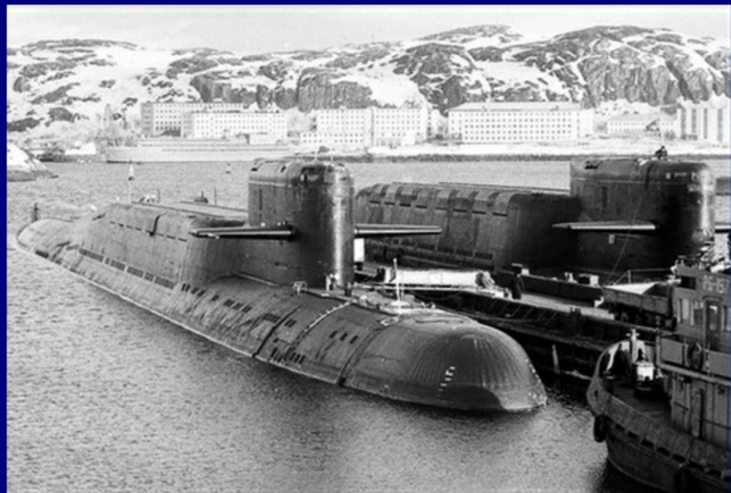

Валерий Ковалев

ПЕРА ИНҚОТНИША

(КНИГА 1)

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Валерий Николаевич Ковалев

Терра инкогнита. Книга 1-я

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63081841

SelfPub; 2020

Аннотация

Автобиографическая повесть. Часть 1-я. Испытательный экипаж. Служба на атомном подводном флоте. Содержит нецензурную брань.

Валерий Ковалев

Терра инкогнита. Книга 1-я

*«Люди имеют быть в трех состояниях:
живые, мертвые и находящиеся в море».*

Анахарсис Скифский

Глава 1. Дорога. Форт Красная Горка

-Тах-тах, тах-тах, тах-тах, – стучат на стрелках колеса воинского эшелона.

–У-у-у! – время от времени гудит локомотив, пронзительно и тревожно.

В небе за окном плывет желтая луна, там ветрено и холодно.

Закинув за голову руки, я лежу на матрасе багажной полки плацкартного купе (она вдоль вагона), его чуть покачивает.

Несколько дней назад три сотни едущих в поезде гавриков

с Луганщины, в их числе и я, были обычными шалопаями.

А вот теперь нас загребли на флот, перспектива не радует – вздыхаю.

Внизу посапывают мои друзья: Саня Йолтуховский, Витек Белецкий, Степан Чмур и Вовка Костенко. Еще двоих знаю шапочно.

С Саней и Витьком мы вместе закончили техникум, после которого работали горными мастерами участка буро-взрывных работ, на одной шахте, Степка – бурсу* и трудился машинистом электровоза там же, а Вовка был известный в городе хулиган, вкалывавший проходчиком* на соседней.

Ребята все крепкие – палец в рот не клади, особенно Сашка. Чуть ниже меня, коренастый и с угрюмым взглядом, он по сорок раз жал двойник* а если давал кому в лоб, того отливало. Сашку побаивались даже матери ГРОЗЫ*.

В облвоенкомате, где призывники обретались три дня, в ожидании «покупателей» *, доедая прихваченные из дому продукты и тайком попивая заныканный самогон, мы сразу же организовались и держались вместе.

При этом обнаружили еще множество знакомых ребят. С одними, из соседних городов, учились в горном техникуме, правда, на разных отделениях, с другими проходили медкомиссию, а с третьими дрались на танцах из-за девчат.

Раньше, как правило, бодрые и веселые, все, в том числе мы, выглядели несколько пришибленно. Что, думаю, понятно.

На четвертый день, утром, наконец, явились покупатели. Группой проследовавшие по плацу. Мы с тревогой взирали на них из окон пятиэтажной казармы (наружу не выпускали).

Впереди шествовали два офицера – капитан и старший лейтенант, в черных шинелях и таких же фуражках с крабами*, а за ними десяток матросов. В широченных клешах, коротких бушлатах с золотыми лычками на погонах и в бескозырках с лентами до пупа. Все как на подбор, крепкие и рослые.

– Ну, бля, – прям как в фильме «Мы из Кронштадта» – присвистнул кто-то из ребят.

Спустя еще час томительного ожидания по этажам забежали военкоматские дядьки в зеленой форме. – Все с вещами на плац! Быстро!

Мы прихватили свои изрядно отощавшие рюкзаки и загремели ботинками по гулким лестницам вниз. На плацу всех кое-как построили в четыре шеренги, из соседнего подъезда вышли прибывшие, встали напротив.

– Слушать меня внимательно! – обвел взглядом рекрутов старший из офицеров.

– Я начальник эшелона, капитан-лейтенант Минин! Сейчас в нашем сопровождении (кивнул на молча стоявших моряков) вы отправитесь на погрузку, сядете в поезд и последуете на Балтийский флот. Всем ясно?!

– Ага, ясно, – вразнобой шелестнуло по шеренгам.

– Командуй, – повернул капитан голову к старшему лей-

тенанту.

Тот вышел вперед и заорал, – р-равняйся! Смирно! Шеренги подобрались.

– Напра-во!

Одни повернули направо, другие налево (кто-то упал), шаркая подошвами тронулись.

Бдевшие у металлических ворот двое солдат в пилотках и рыжих бушлатах, развели в стороны их тяжелые створки, призывники вышли наружу. Впереди офицеры, по бокам и с тыла моряки. Мы в середине.

От ворот, пройдя одной из улиц, с многоэтажными домами, перед которыми желтели тополя, а по асфальту летала опавшая листва, направились в сторону железнодорожного вокзала.

По дороге встречались прохожие. Многие останавливались, улыбались и глядели вслед. Понимая, кто мы такие.

А одна бабуля, шествующая куда-то со старичком, – всплеснула руками. – Ахти! Никак их в тюрьму ведут. С охраной.

Видок у нас был еще тот. В мятой одежде, на многих шапки с ватниками и тощие рюкзаки за плечами.

– Это рекруты, мать, – знающе ответил старик.– А ведут их флотские. Хорошо служите сынки! (тряхнул сухоньким кулаком) Не забываете, вы с Луганщины!

– Будь спокоен, дед! – прокричал кто-то из ребят.– Не забудем!

– Атставить разговоры! – рывкнул на него шагавший сбоку моряк. – Прибавить шагу!

На вокзале расхлябанный строй проследовал на самый дальний перрон, где уже ждал пассажирский поезд. Со стоявшими у зеленых вагонов проводниками.

Нас остановили, развернули к составу лицом и, сверяясь со списком, пересчитали.

Затем капитан – лейтенант определил порядок посадки.

– Всем, начиная с первого, занимать плацкартные купе по семь человек! – поднял вверх руку в лайковой перчатке. На станциях из вагонов не выходить! И что б мне никаких Шуриков!

Кто такие Шурики, мы знали, но выражение понравилось.

Далее он снова передал командование заместителю, а сам, заложив руки за спину, враскачку пошагал в голову поезда.

– Начиная справа по одному, пошел! – ткнул в последний вагон пальцем старший лейтенант. Строй зашевелился.

Пока суть да дело, наша компания, стоявшая в шеренге рядом договорилась: кто влезет первым, сразу рвет вперед и занимает свободное купе на всех. Веселей будет ехать.

Так и получилось. Маленький и шустрый Вовка, забравшись в очередной пустой вагон первым, оккупировал там среднее купе и, отпихивая желавших туда попасть, орал, – топай дальше, занято!

За ним подвалили мы, сунув в рундуки мешки, уселись на нижних полках.

Минут через двадцать колготня в поезде прекратилась, и по проходу со строгим видом проследовал старший лейтенант, оставляя в каждом вагоне по матросу.

Затем снаружи донесся длинный гудок (по составу прошла дрожь), лязгнули сцепки, и состав тронулся.

– Ну, вроде поехали, пацаны, – сказал Саня, расстегивая ватник. За стеклом моросил мелкий дождь, они стали мутными.

Вскоре Ворошиловград остался позади, за окнами поплыла осенняя степь, с темневшими в ней посадками и белыми хатками сел под серым небом.

Затем по купе прошел высокий, оставленный в вагоне матрос, в форменке с бледно-синим воротником, несколькими значками на груди и тремя лычками на погонах.

Он переписал всех блокнот и назначил в каждом старших. У нас, как и ожидалось, Сашку.

– Товарищ сержант, – поинтересовался тот. – Как тут с кормежкой? А то все, что взяли из дому, уже подъели.

– Я не сержант, а старшина 1 статьи, – хмыкнул тот. – С хавкой* будет все нормально.

Потом он, захватив с собой четырех призывников, ушел в начало поезда.

Через некоторое время, кряхтя, те доставили в купе проводника, несколько картонных коробок и чем-то туго набитые мешки. От которых пахло хлебом.

Затем старших по купе, с пустыми рюкзаками, вызвали

туда, и вскоре Сашка вернулся с семью жестяными банками без наклеек (граммов по триста в каждой), тремя кирпичами хлеба, четвертью пачки рафинада и цибиком* грузинского чая.

– Вот, получил на всех, – выложил все на откидной столик. А в титане готов кипяток. Давай кто-нибудь туда с кружками, пока не набежали.

Мы тут же извлекли из рюкзаков кружки, а к ним ложки (такие полагалось иметь всем), Степка с Витьком, нанизав их на пальцы, отправились за кипятком, я принялся вскрывать раскладным ножом банки, а Вовка своим хлеб.

Вскоре все уписывали за обе щеки ломти черняшки, намазанные волокнистой, с жирком, тушенкой (в магазинах такую не встречали), а еще сваренные вкрутую яйца, запивая все горячим сладким чаем.

Насчет отсутствия продуктов, Саня немного загнул. У нас еще оставался изрядный шмат домашнего сала с прорезью, круг одесской колбасы несколько банок сгущенки и вот эти самые яйца.

– Не хило, – рыгнул Вовка, первым отвалившись от еды. – Пойду курну в тамбуре.

Подкрепившись, мы убрали со стола, жизнь показалась лучше.

В дальнем конце вагона кто-то забренчал на гитаре, а потом стих, мы с Сашкой переглянулись.

– Сбацаешь? – предложил он.

– Можно, – кивнул я.

– Тогда я щас. Встал и направился в ту сторону.

Через пять минут вернулся и сунул мне в немецких наклейках «Шиховскую»*. Были тогда такие, переводные. С красивыми девицами.

На гитарах – семи и шестиструнных, я неплохо играл. И почти год до призыва, на электрической, в составе вокально-инструментального ансамбля (их тогда называли ВИА) в одном из шахтерских клубов, на танцах.

Для начал, перебирая струны, исполнил популярный тогда «Дом восходящего солнца», а когда отзвучал последний аккорд, ребята попросили, – давай песню про осень.

Репертуар у меня был обширный, знал их до сотни. В том числе зэковских (в нашем городе было их немало), бардовских и всяких прочих.

Эта друзьям нравилась особенно.

Клёны выкрасили город,
Колдовским каким-то цветом.
Это скоро, это скоро,
Бабье лето, бабье лето

выдал под звон струн первый куплет, и рожи у них стали мечтательными

Что так быстро тают листья -

Ничего мне не понятно...

А я ловлю, как эти листья,

Наши даты, наши даты

продолжил

А я кручу напрапалую,

С самой ветреной из женщин.

Я давно искал такую -

И не больше, и не меньше

перешел на восьмерку*. А когда поднял глаза, в проеме высился старшина. Я хлопнул ладонью по струнам и замолчал.

– Давай-давай, пой – уселся он сбоку от Вовки с Серегой. – Мне Высоцкий очень нравится

Только вот ругает мама,

Что меня ночами нету,

Что я слишком часто пьяный,

Бабым летом, бабым летом

продолжил я, и он внимательно слушал. А когда песня закончился, – поцокал языком.

– Ну, ты кореш, прямо артист. Уважаю.

– Он у нас и на баяне шпарит, мама не горюй, – прогудел

рядом Сашка.

– Да ладно,– смутился я. – Так, немного играю.

– Ну, баяна я в поезде не видал, развел руками старшина – так что давай, спой еще чего-нибудь. У тебя здорово получается.

Поочередно я исполнил романс «Утро туманное», за ним бардовскую «Гостинцу», а в заключение «Сумерки».

К тому времени у нашего купе собралась целая толпа призывников. Все тоже внимали.

Примерно через три часа поезд прибыл в Донецк, концерт закончился, все разбежались и припали к окнам.

На перрон вышли оба офицера (теперь у них болтались у колен кобуры) и приняли новую группу призывников в сопровождении матросов. Еще человек двести.

– И этих загребли на три года,– довольно сказал кто-то. – Смотрите, хари какие кислые.

Спустя короткое время эшелон тронулся, снова загремели стрелки, колеса отстукивали километры.

Наступил вечер, поужинали салом с остатками хлеба и стали готовиться ко сну.

Для начала, вынув из рюкзаков туалетные принадлежности, навестили туалет с брякавшим унитазом, почистили зубы и умылись, затем вернувшись назад, развернули, лежавшие на средних полках матрасы.

Подушек, и постельного белья не полагалось. Впрочем, после пропахшей карболкой военкоматской казармы, где мы

припухали три ночи на голых двурусных топчанах, вагон был просто раем.

Сняв ботинки, я забрался на свою багажную полку, сунул под голову свернутый ватник и устроился вполне прилично.

Вскоре проводник выключил верхний свет (в вагоне стало темнее), бубнение и смех за переборками стали затихать, а затем в его разных концах возникли храп и сонное бормотанье.

Я же пока не спал, к чему была причина.

Как и все другие, перед отправкой, мои родители организовали сыну проводы. Для чего на октябрьские праздники забили кабана, мама наварила холодца и наделала с тетками колбас, а мы с отцом доставили из магазина бочку пива, ящик «столичной» и наварили из яблок крепчайшего самогона.

Родни в то время у нас имелось будь здоров. Только на нашей Луговой жили четыре семьи: я с родителями и сестренкой, три деда с бабушками (один двоюродный) и семья маминого брата.

А на руднике Краснополье, еще дядья и тетки. Всего человек двадцать, если без детей. Было бы еще больше, но трое погибли на фронте.

Вечером 12-го ноября (отправка была тринадцатого), принаряженная родня сидела за накрытыми столами в зале строго по ранжиру.

Посередине внушительные деды (внук между ними), за-

тем бабушки, мама с отцом, дядья и тети. Еще полагалось быть невесте – такая традиция. Но ее у меня не было. С девчонками гулял, но в сердце ни одна не запала.

Все без исключения мужчины служили в армии, а многие воевали.

Дед Левка рядовым в Первую мировую, в корпусе генерала Брусилова в Австро-Венгрии и Галиции, дед Никита (казачий вахмистр и георгиевский кавалер) на Дону, сначала за белых, потом за красных; дед Егор тоже был из казаков и в Гражданскую махал шашкой. Он был первым в городе кавалером ордена Трудового Красного Знамени, который в 1930-м, получил в Харькове лично от Косиора*.

Отец же, артиллерийский лейтенант, прошел две войны – Финскую и Великую Отечественную, а его, оставшийся в живых двоюродный брат – служил в коннице Доватора*.

Меня, как водится, поздравили с призывом на службу, и дали наказ. Служить как все мужчины в роду. Честно и достойно. После чего все опрокинули по рюмке и принялись закусывать.

Далее выпили по второй, и процесс пошел полным ходом. За столом пошли разговоры, раздавался веселый смех, и только мне было грустно.

Ближе к полуночи, когда родичи стали петь песни, а некоторые плясать под баян, отец пригласил меня с собой и остриг в летней кухне «под ноль». На отправку надлежало явиться в таком виде.

А на утренней заре (застолье с перерывами на перекур продолжалось) мы с ним вышли со двора, чтобы встретить заказанный автобус.

Тут батя мне и наказал, чтобы со службы я поступил в военное училище. Очень хотел видеть сына офицером.

И еще добавил, что пять лет после войны, сидел в лагерях «Дальстроля» за убийство польского офицера.

Я опупел. Отец был уважаемый в городе человек, поочередно руководил несколькими шахтами, а еще являлся членом горкома. Ни от мамы, ни от родни, я ничего подобного не слышал.

– В анкетах это не указывай, – продолжил он. – В пятьдесят третьем меня реабилитировали, восстановили в партии и вернули награды.

Потом вдали мигнул свет фар, и вскоре к дому подвернул автобус. Все погрузились в салон и отправились в военкомат, на площади перед которым состоялся митинг.

На нем с трибуны поочередно выступили первый секретарь, военный комиссар полковник Кухарец и начальник шахтоуправления Хорунжий.

Они призывали новобранцев не ударить в грязь лицом и показать, как служат горняки, а потом вернуться для трудовых подвигов. Некоторые провожавшие даже прослезились.

Ну а после всех призывников, многие из которых не вязали лыка, усадили в «ЛАЗ»* и отвезли в область.

Тогда этот разговор с отцом на время забылся, а сейчас

вот всплыл в памяти. Теперь конечно хотелось бы узнать у него подробности, но будет это не скоро.

Кстати, пришибить человека он мог вполне. По натуре был взрывным, жестким и решительным. На шахтах, которыми руководил, трудилось немало бывших заключенных, но он держал всех «в узде». Регулярно перевыполняя план и выплачивая горнякам самые высокие в шахтоуправлении заработки.

В этой связи запомнились два случая.

Когда мне было лет пять, как-то летом в выходной, отец с мамой, захватив приятеля с женой и меня, отправились на нашем «Москвиче» отдохнуть на Чернухинское озеро, километрах в тридцати от города.

За рулем он никогда не выпивал, так было и в тот раз. Возвращались мы домой вечером, и на подъезде к Брянке, были остановлены двумя сотрудниками ГАИ, стоявшими на обочине рядом с мотоциклом. Оба были навеселе, что сразу бросалось в глаза, но «при исполнении».

Старший потребовал у отца права, он вышел из машины и предъявил.

Тот просмотрел их, а потом заявил, что отец пьян (батьа возмутился).

Затем между всеми тремя завязался «крупный разговор», в ходе которого старший выхватил из кобуры пистолет, направил на отца и заорал, – руки вверх! Ты задержан!

В следующий момент оружие оказалось у отца, а гаишник

получил кулаком в ухо.

Хрюкнув, он полетел в кювет, фуражка покатила по асфальту.

Батя развернулся к другому – тот крупными скачками убегал в степь. Как заяц.

Все в машине сидели бледные, а я от страха подвывал – очень перепугался.

Он же сунув пистолет в карман, поднял валявшееся на земле удостоверение, сел в автомобиль и завел двигатель.

– Коля, тебя посадят, – всхлипывала мама.

– Это вряд ли, – последовал ответ. И машина набрала скорость.

В городе отец высадил всех на нашей улице и уехал. Как потом выяснилось, в горком. Там он сдал трофей дежурному инструктору, сообщив, что случилось, а затем прошел освидетельствование в больнице на предмет трезвости.

Как и ожидалось, алкоголя в организме не было.

На следующее утро к нам приехал начальник ГОВД*, с просьбой замять дело. Отец не возражал при условии, что тех двоих уволят со службы.

– Им не в милиции служить, а хвосты волам крутить, – сказал он тогда майору.

Начальник согласился.

Когда же он уехал, я спросил, – пап, а зачем ты отнял у милиционера пистолет?

Он взъерошил мне волосы и сказал. – Условный рефлекс,

сын. Я с войны перепуганный.

Второй случай произошел, когда я ходил в третий класс, и я до поры о нем не знал.

Отец в то время был начальником шахты «Давыдовка-3», находившейся неподалеку от нашего поселка. Работали там полторы сотни горняков, на двух молотковых лавах. И в их числе десятков бывших «зэков». В городе имелся лагерь строгого режима, а в соседнем районе еще два – общего. Воспитывавших по лозунгу «На свободу с чистой совестью».

Отдельные «перековавшиеся», отбыв срок, устраивались на шахты, прельщенные высокими заработками.

Как-то в ночную смену (батя был дома) трое таких явились пьяные, а когда дававший наряд горный мастер запретил им спуск в лаву, проломили тому обушком*голову.

Мастера в беспамятстве утащили в шахтный травмпункт, вызвали милицию и позвонили домой начальнику.

Когда тот приехал, – хулиганы стали орать, шас и тебя уроем падла!

Отец в конфликт вступать не стал, открыл свой кабинет и пригласил всех троих для разговора.

Через минуту внутри что-то упало, потом еще раз, послышался звон разбитого стекла, а затем вышел батька.

– Вяжите тех двоих, – кивнул он шахтерам на дверь. – А третий сбежал. Жидкий оказался на расправу.

Оба приглашенных валялись на полу, оконное стекло было высажено вместе с рамой.

Далее приехала милиция, составив протокол, после чего связанных увезли и, добавив очередной срок, вновь отправили на перековку.

Отцу же по партийной линии вклеили выговор «за низкую трудовую дисциплину на предприятии».

Этот случай мне рассказал тот самый мастер, ставший впоследствии начальником участка, у которого на втором курсе техникума я проходил практику.

Когда же я поинтересовался у родителя, чем он лупил техэков, – отец сжал кулак и показал, – вот этим. А затем добавил, – желаешь, покажу фокус?

– Ага, – кивнул я.

– Неси обрезок сороковки* и половой гвоздь.

Я сбегал в сарай, покопался там и притащил что требовалось.

Батяка положил обрезок на табуретку, угнездил шляпку в ладонь и зажал его меж пальцев.

– А теперь смотри (поднял вверх руку).

В следующую секунду она мелькнула вниз, «трах! наполовину вошел гвоздь в дерево.

–Ничего себе, – выпучил я глаза, а затем перевернул табуретку. Пробив все насквозь, острие вышло наружу.

– Я сынок, – усмехнулся отец, – на фронте кулаком барану на спор лоб раскалывал. А он у него крепче, чем у быка. Такое вот дело.

– Научишь? – загорелся я.

– В свое время, – закурил он беломорину.

Кстати, по виду родителя этого не скажешь. Он у меня среднего роста, худощавый, но, как у нас говорят «жилистый».

Ближе к полуночи (сон не шел) была остановка в Харькове. Там я после окончания техникума, по настоянию отца, поступал в танковое училище, но не прошел по конкурсу.

Я спустился с полки вниз, сунул ноги в ботинки, и, прихватив из лежащей на столике пачки сигарету, прошел по спящему вагону в запертый тамбур.

Там чиркнул спичкой, закурил и, глядя в дверное окно, стал наблюдать ночную жизнь вокзала.

По ярко освещенному перрону, взад и вперед сновали пассажиры с чемоданами, грузчики катили тележки с багажом, вокзальный репродуктор женским голосом гнусаво сообщал, «на первый путь прибывает скорый поезд Москва-Харьков».

Я вздохнул (теперь эта другая жизнь) дососал сигарету и сунул бычок в висевшую на поручне, жестяную банку.

Утром мы проснулись в России. Здесь уже кое-где белел первый снег, лужи затянул ледок, в вагонах похолодало.

Мне же, на третьей полке было, как говорят, вполне. Белая труба вверху оказалась отопительной, и неплохо грела.

Далее последовал Брянск, где в эшелон посадили десятков пять южных парней. Одни по виду были кавказцами, а другие азиатами. Все одеты не по сезону. На кавказцах тон-

кие болоньевые плащи, остальные в тибетейках и длинных полосатых халатах. Все скрюченные и дрожащие.

– Видать давно едут, – сказал любопытный Степан. – Надо будет сходить, пообщаться.

– И на кой они тебе? – покосился на него Вовка.

– Сменяю свою кепку на тибетейку. Для смеху.

Практически на всех крупных станциях, где воинский эшелон останавливался, на перроне тут же появлялись торговцы водкой.

Они продавали ее «из-под полы», за двойную, а порой и тройную цену. Все окна были наглухо закрыты, кроме тех, что были в туалетах. Их вместе с дверьми, нашедшиеся умельцы умудрялись открывать и по тихому «отовариваться».

Не оставались в стороне и мы, покупая одну-две бутылки. Тем более, что деньги у всех имелись. Зарабатывали прилично.

Потом в одном из вагонов несколько рекрутов здорово наклюкались и пытались учинить дебош. Жестоко подавленный старшинами.

В поезде тут же провели шмон*, нашли припрятанное спиртное и изъяли, а виновных оправили драить туалеты. Чтобы блестели, как у кота яйца.

С этого дня режим был усилен: как только подъезжали к очередной станции, моряки, натянув бушлаты с бескозырками, выпрыгивали наружу и прогуливались вдоль состава, вы-

смаатривая спекулянтов горячительным.

Одного такого, самого настырного, они поймали на горячем. Тот пытался сбыть товар открывшему тамбур проводнику.

В результате сумку с водкой у торгаша отняли, и все находившиеся там бутылки капитан-лейтенант лично разбил вдрызг о рельсы.

Процесс мы с интересом наблюдали из окон, он был явно воспитательным.

За время пути, наша группа близко сошлась со старшиной, который продолжал заходить в купе и слушать мои песни. Гитару на время уступил владелец.

– Вот доставлю вас к месту, – мечтательно говорил старшина, – и сразу в запас. В свой Рыбинск.

Одновременно он рассказывал нам об эсминце, на котором служил. С юмором и интересно.

– Товарищ старшина, – как-то поинтересовался Степан, а почему у вас клеша без ширинки?

– Все очень просто, – подмигнул тот. – Чтобы в увольнении удобнее было трахать девчат. Отстегнешь клапан и вперед, брюки снимать не надо.

– Га-га-га! – довольно заржали мы. – Умно придумано.

– А что означает эта круглая нашивка на рукаве, – невозможно продолжал Чмур (он всегда был серьезным).

– Это браток, нарукавный штат, означает мою специальность. Видишь на ней две скрещенных пушечки? Они гово-

рят, что я корабельный артиллерист. Тому, кто понимает.

Вопросов о будущей службе задавали мы немало. И на все их старшина доходчиво отвечал, а мы запоминали.

Помимо пайка (к нему добавился плавленый сыр), несколько раз нас кормили в пути горячим супом. Вкусным и наваристым. Его доставляли из вагона-ресторана где хранились расходные продукты, дневальные.

Через две недели путешествия по бескрайним просторам Родины, оставив позади Брянск с Великими Луками и Псков, эшелон прибыл на станцию «Красная горка» Ленинградской области.

Было раннее утро, мороз и сугробы искрящегося под солнцем снега. Из осени мы въехали прямо в зиму.

Последовала команда выгружаться.

– Колотун* блин, – втянул в ватник голову Витек, когда мы спрыгнули на платформу. Уши у всех зашипало.

На ней доставленных построили (состоялась прием-передача) поименно, и теперь уже другие моряки в черных шинелях повели колонну по заснеженной улице пристанционного поселка в сторону видневшегося вдали соснового бора.

–Хруп-хруп-хруп, скрипело под каблуками.

– Теперь хорошо бы сходить в баню, – сморкнулся на обочину Витька.

– Это да, – согласился шагавший рядом Саня.

Остановились у высоких металлических ворот с якорями, приваренными на створках.

Нас снова пересчитали, ворота открылись, пропустили колонну и закрылись, оставив за нашими спинами прошлую жизнь на гражданке.

Мы очутились на пересыльном пункте Дважды Краснознаменного Балтийского флота, гордо именуемом фортом «Красная Горка».

Форта, как такового, не наблюдалось.

Вместо него, обнесенная двухметровым сплошным забором из досок обширная территория, с расположенными на ней административными зданиями, деревянными бараками, складами и камбузом, над которым дымила высоченная труба.

В центре располагался обширный бетонный плац, со снующими по нему моряками и рекрутами.

Нас построили, пересчитали в третий раз и распределили по баракам, в которых уже ютились новобранцы, прибывшие ранее.

Эти деревянные строения, со стенами из тонких досок и буржуйками* вместо печей, были рассчитаны максимум на пятьдесят-шестьдесят человек. Нас же гостеприимные балтийцы, набили в каждый барак не менее двухсот. Разве что не утоптали.

Новоселье сопровождалось далеко не радостными воплями аборигенов и гостей. Но хозяева и тут оказались на высоте.

Новичков построили на среднем проходе и внушитель-

ного роста главный старшина прорычал, – молчать, салаги! Здесь вам не у мамы! А чтобы было не так тесно – вещи к осмотру!

Присутствующая здесь же группа ухмыляющихся военморов быстро прошмонала наши рюкзаки, извлекая из них остатки пайка и одеколоны с лосьонами.

– Этого не положено! – многозначительно изрек старшина, – в части карантин! Всем ясно?

– Ясно, – уныло прогудел строй, глядя на отобранное, сложенное в плащ-палатку.

– Не слышу, – приложил он ладонь к уху.

– Ясно! – проорали мы.

– Ну вот, теперь другое дело (расплылся в улыбке). – Можно расслабиться.

Затем всех распределили по нарам, из расчета четыре человека на парный лежак, разъяснив, что ложиться на него нужно не вдоль, а поперек. Так теплее. Потом вывели на плац, вручили фанерные лопаты с длинными рукоятками и заставили чистить снег, в дальней его части.

Ровно в полдень, после сигнала корабельной рынды* висевшей на столбе, нас построили, и повели на обед, к стоявшему неподалеку камбузу.

Там было тесно, грязно и сыро. Одновременно кормили несколько сотен человек. Ели в верхней одежде щи с не проваренной капустой и перловку, чуть сдобренную комбижиром*. На десерт подали компот, с запахом браги и таракана-

ми. Ушли голодными.

Снова чистили снег (теперь у каких-то складов) строились, пересчитывались, и это все при десятиградусном морозе. А одежда у нас осенняя, на «рыбьем меху». Ужин оказался таким же несъедобным, но есть его пришлось. В двадцать три часа последовали вечерняя поверка* и отбой.

В казарме, несмотря на скученность, стоял жуткий холод. Из щелей стен навевало сквозняком вместе со снежной порошей. На нары, с лежащими на них старыми матрацами, улеглись по четверо, поперек, как учили, не снимая шапок, пальто и ватников.

Над нами, вверху, кашляли азиаты. Кто-то из них плакал, время от времени тихо повторяя, «билат, билат, куда моя папала».

У двух, топящихся углем в проходе буржук, уютно расположились опекающие новобранцев моряки. Они организовали ужин из отобранных у нас продуктов, запивая их водкой и разведенным в кружках одеколоном, переругиваясь из-за каких-то принесенных с собой шмоток.

Мы все это молча наблюдали с нар и впечатлялись.

– Вот тебе и флот, мать бы его еб, – прошептал лежащий рядом Витька.

– Да, дела, – вздохнул Вовка.

Утро. В казарме собачий холод. По углам вверху игольчатый иней, буржуйки погасли.

Вокруг них в живописных позах спали балтийцы, от кото-

рых разило сивухой и парикмахерской. На полу были разбросаны игральные карты, пустые бутылки и флаконы от одеколона. Здесь же валялись непонятно откуда взявшиеся два карабина.

Последующие дни, мало чем отличались от предыдущих. На пересылке царил невообразимый бардак.

У нас отбирали или вынуждали отдавать личные вещи, заставляли выполнять бессмысленную работу, вроде выноса на улицу и проветривания деревянных топчанов, и все время пересчитывали, резонно понимая, что от такой жизни кто-нибудь попытается удариться в бег. К маме.

Но и мы обживались. Посоветовавшись, подарили главстаршине имевшуюся у Витька электробритву, и он разрешил нам не ходить на камбуз.

Дело в том, что на пересылке имелось несколько сносных буфетов, в которых продавались продукты, ситро и курево. А у нас еще оставались деньги, заначенные в потайных местах. Слава богу, в дороге не все пропили.

В первый поход в буфет, расположенный за казармами, отправились впятером – всем землячеством. Те двое, которые ехали с нами в купе, куда-то подевались.

У буфета, расположенного в стороне от других зданий, переминалась очередь – человек двадцать, В основном кавказцы и азиаты.

Эти ребята приспосабливались везде. Впоследствии, на лодках, я их практически не встречал. Зато на камбузах,

складах и в других «хлебных» местах, сынов гор и степей, хватало с избытком.

Пристроились в хвост очереди, советуясь, чего взять и сколько.

В это время, расталкивая локтями возмущающихся рекрутов, к витрине буфета нахраписто протиснулись трое парней в синих робах и шинелях погон. Не иначе такие же призывники, как и мы, но уже отправляемые в части.

– Кончайте хамить, пацаны! – попытался их урезонить их Витька.

– Молчи, блоха! – унижительно взглянув на него, процедил самый рослый из тройки и, отпихнув очередного рекрута, протянул в окошко буфета червонец. Остальные громко заржали и добавили еще несколько оскорбительных фраз в адрес Костенко.

Не сговариваясь, мы подошли к витрине. Сашка уцепил согнувшегося у окошка верзилу за плечо, рывком повернул к себе и, не давая опомниться, съездил по морде.

Тот, взмахнув руками, опрокинулся на спину, а мы быстренько навешали оставшимся двоим. Метод был опробован и не давал сбоев.

– Чапайте отсюда, – зловеще прошипел Степка, когда все закончилось.

Подвывая и утирая розовые сопли, хулиганы потащили беспамятного приятеля в сторону казарм. А мы, пользуясь замешательством очереди, наспех отоварились хлебом, одес-

ской колбасой и стуженкой. Дополнив их несколькими бутылками полузамерзшего лимонада с сигаретами.

– Ловко вы их, – принимая деньги, рассмеялась грудастая продавщица в белом, одетом на пальто, халате. – Откуда такие взялись?

– Мы тетя, из Донбасса, – пробасил Сашка.

– Тогда ясно, – кинула она головой, – следующий!

Отобедали среди заснеженных сосен, в беседке за вещевыми складами.

После драки и еды, настроение улучшилось, на душе по-тепелло. Оставшиеся продукты упаковали в принесенный с собой рюкзак, зарыв его в снег под одним из деревьев.

– Запас карман не тянет, – сказал Вовка, поглаживая заплывающий глаз.

– Да и вроде как размялись, – зевнул Степка, после чего компания дружно загоготала. Что-что, а подраться шахтерня всегда любила. Профессиональная, так сказать, особенность.

В баню нас все-таки сводили. Она оказалось темной и обшарпанной. Там нас встретила местная обслуга из моряков и ручными машинками оболванила тех, у кого остались прически. Затем всем без исключения обрили лобки, выдали по четвертушке дустового мыла и загнали в моечную.

Там, на бетонных скамьях, горками высились жестяные мятые шайки без ручек, валялись истертые мочалки, а из кранов текла едва теплая вода. Из высоких, мутных окон тянуло сквозняком, пол был холодным и скользким.

Кое-как помылись, а когда, трясясь, вернулись назад, у многих почистили карманы.

Нас эта участь миновала, за исключением Сани. У него сперли почти новую кроличью шапку.

Спустя несколько дней, в медчасти пересылки прошли еще одну комиссию.

В отличие от прочих зданий, она была новой, из красного кирпича, внутри было тепло и уютно.

Нас снова обстукивали, слушали, меряли и взвешивали. Теперь уже военные врачи, причем более дотошно.

Там, за мои часы «Восток», модные в то время, мы подкупили разбитного мичмана-медика, который пообещал перевести Йолтуховского в команду 90, направляемую в морскую авиацию. У всех нас была 70-я (подводные лодки). В авиации служили два года, а Йолтуховский был женатик.

Мичман сдержал слово, и после комиссии его действительно туда определили.

– Спасибо, хлопцы, – расчувствовался друг. – Я этого никогда не забуду.

– Да ладно, – ответили мы. – Проехали.

Между тем зима все сильнее осаждала Красную Горку. Почти каждый день шел снег, морозы усилились до двадцати градусов. Как и следовало ожидать, многие призывники заболели.

Особенно доставалось азиатам, которые были легко одеты и не привыкли к таким условиям. Только из нашего барака,

за несколько последних дней, в госпиталь отправили человек десять. У всех определили пневмонию или бронхит. Мы пока держались.

Наведывался Саня (он теперь жил со своей командой), притащил литр водки и два старых флотских ватника.

Их мы распили втихую, в беседке, закосив* в очередной раз от ужина.

Ну а еще через день нас обмундировали, что было верным признаком скорой отправки в части, какие – никто не знал. Мы были согласны хоть к черту на рога, только бы удрать из этого Бухенвальда.

Форму получали на расположенных в лесу складах, стоя под открытым небом в очереди к раздаточным окнам, хлопая себя руками по бокам и постукивая ногу об ногу. Переодевались здесь же, под навесами, продуваемыми сквозняками. После такого моциона тела и лица у нас стали синими, как новые флотские робы.

Видок у вновь испеченных защитников Родины был аховый: черные, длинные и широкие шинели, подпоясанные кожаными ремнями с бляхами, почти волочились по снегу, из-под них топырились жесткие синие штаны, тупоносые кирзачи* на резине весили по килограмму.

Мы напоминали бурсака Хому Брута из гоголевского «Вия», но никак не военных моряков. К тому же эти флотские обновки совсем не грели.

Затем всем выдали защитного цвета «сидора»* с длинны-

ми лямками, а к ним остальной вещевого аттестат: суконные форменки с брюками и такой же бушлат, хромовые ботинки, две бескозырки, еще одну робу, по три тельняшки и столько же кальсон. Добавив к этому белую форменку, несколько синих воротников, пять пар носков и метра три вафельного полотенца. Мы едва запихали все в мешки, захлестнув их лямками.

Потом, взяв свою «гражданку» в охапку и взвалив на загорбки аттестат, вернулись в бараки.

И так целый день: под низким серым небом, с падающим из него снегом, в направлении складов непрерывным потоком уныло плелись стриженные пацаны, а оттуда – волочили ноги и тихо матерились Хомя Бруты.

Меж бараков днем и ночью горели огромные дымные костры, в которых жгли одежду призывников, не подлежащую отправке домой. Здесь же сновали какие – то мичманы и старшины, набивающие мешки вещами получше.

– Смотрите хлопцы, мародеры, – прошептал Белецкий.

Я вытащил из рюкзака свою меховую шапку шапку, сунул ее за пазуху, а сам рюкзак зашвырнул в костер. Минутой позже это сделали и земляки. Только искры полетели.

Матерясь, к нам подбежал разгоряченный охотой за шма-тьем краснорожий пожилой мичман.

– Вы что делаете, засранцы! – свирепо заорал он. – Не нужно, так мне бы отдали!

– Бери, если сможешь, – зло рассмеялся Витька, и мы

ушли от места, где сгорала наша последняя связь с домом. На душе было погано. Не таким мы ожидали увидеть флот. Однако деваться было некуда.

К вечеру нас отправили. Прибыли «покупатели» из флотских экипажей Ленинграда, Выборга и Кронштадта. Офицеры, мичманы и старшины держались особняком. Местные балтийцы общались с ними уважительно и даже льстиво

Худощавый, с усами, капитан-лейтенант построил нас, зачитал список и кивнул стоящим рядом потянутым старшинам.

– Равняйся! См-мирно! Напра-во! Прямо, ша-гом арш! – звонко скомандовал один из них и, шаркая ботинками, расхлябанный строй двинулся к воротам.

Нас молча провожали взглядами оставшиеся ребята. Среди них Саня. В кургузом ватнике, натянутой на уши кепке, хмурый и подавленный. Мы уходили, а он оставался.

Вытащив из-за пазухи шапку, я перебросил ее другу.

– Носи Санек, мы тебя найдем и спишемся! – закричали Витек со Степкой.

– Прекратить разговоры! – бросил на ходу идущий сбоку старшина. – Конечно, спишетесь, ребята.

В лицо нам бил ветер, влажный и почему-то соленый.

Глава 2. Кронштадт. Тридевятое царство

О том, что следуем в этот знаменитый город-форт, узна-

ли, только погрузившись на морской паром «Николай Каплунов», от сопровождающих моряков. Впервые за последнюю неделю с нами говорили по-людски и доброжелательно.

На верхнюю палубу не выпускали. С низкого неба сеялся мелкий снег, Финский залив слегка штормило. В пассажирском салоне было тепло и уютно, с подволока лился из плафонов мягкий свет, чуть слышалась приглушенная работа двигателей.

Стянув с плеч вещмешки, устроились на мягких сидениях и прильнули к окнам. Многие, как и я, моря никогда не видели.

Оно было свинцовым, с белыми барашками на гребнях невысоких волн, и темнеющим горизонтом. Со стороны которого изредка доносило басовитые гудки. Длинные и тревожные.

– Некрасивое какое-то, – сказал через минуту Вовка.

– Это, наверное, потому, что сейчас осень, – откликнулся Серега.

Салонное тепло и монотонный гул под палубой убаюкивали, все задремали.

Примерно через час почувствовали замедление хода, а затем и остановку судна.

– Кажись, доплыли, – потер сонные глаза Витек.

– Не доплыли, а пришли, – улыбнулся какой-то пожилой дядька в морской фуражке и черной, с капюшоном куртке, сидящий напротив.

Далее последовала команда на выход, и, с опаской поглядывая на пляшущие волны, мы выгрузились на причал.

Там стояло дощатое строение с черепичной крышей, у которого покуривали два матроса.

– О, салажат, притаранили, – толкнул один второго. – Какие смешные!

Нашу группу, человек в двадцать, забрал неразговорчивый мичман с кожаным планшетом на плече, достав из него список, поименно сосчитал и, предъявив вахтенным удостоверение, строем повел через поднятый ими шлагбаум, в город.

Было довольно поздно. От залива тянуло промозглой сыростью, с неба продолжал сыпать снег. Узкие улицы, с тянущимися по сторонам каменными зданиями, тускло освещались редкими фонарями и были пустынно. Наши тяжелые ботинки глухо стучали по булыжной мостовой.

Минут через пятнадцать остановились у высокой кирпичной стены с массивными железными воротами и узкой нишей двери сбоку.

– Вперед! – скомандовал мичман.

За дверью оказалось помещение КПП, с вооруженным старшиной и матросом. За ним огромный, вымощенный булыжником плац, на противоположной стороне которого высилась длинная трехэтажная казарма с пятью, под жестяными козырьками входами по фасаду.

Проследовали к крайнему справа и по крутой чугунной

лестнице с перилами, поднялись на второй этаж.

Там мичман нажал на кнопку обитой черным дерматином двери (внутри зазвонило, а потом щелкнуло), потянул за ручку на себя латунную рукоятку, и мы оказались в просторном высоком холле, со стоящим у тумбочки матросом с сине-белой повязкой на рукаве и штык-ножом на туго затянутом ремне.

– Дежурный на выход! – фальцетом заорал матрос.

Из бокового помещения появились двое старшин в светло-синих робах с золотыми лычками на плечах, поочередно пожавших мичману руку.

– Чего такой хмурый, Михалыч? – спросил борцовского вида один из них, с такой же нарукавной повязкой как у дневального.

– Да снова на этой гребаной пересылке бардак! – в сердцах выругался мичман.

– Половина ребят простужены (кивнул на нас). Давай, принимай их.

Затем, сняв с плеча, вручил дежурному планшет с нашими документами и вместе с другими старшинами прошел в комнату, на двери которой блестела табличка «Старшинская».

– Идите за мной, – сказал дежурный, после чего завел нас в помещение, выкрашенное в светло-оранжевый тон, с расставленными вдоль стен гладильными столами и витиеватыми бронзовыми светильниками над ними. Выстроил и кри-

тически оглядел, тяжело ворочая шейю.

Вид у него был действительно внушительный. Года на три-четыре старше нас, выше среднего роста и с широчеными плечами.

Обращало на себя внимания и лицо. Волевое, малоподвижное, с серыми глазами, прямым носом и тяжелым подбородком. Волосы короткие, светлые.

Заложив руки за спину и ритмично раскачиваясь с пятки на носок, хрипловатым басом старшина провозгласил:

– Вы прибыли в Кронштадтский учебный отряд подводного плавания ДКБФ*. Будем готовить из вас торпедистов дизельных подводных лодок. Я – инструктор смены – старшина 2 статьи Захаров. Вопросы?

Переминаясь с ноги на ногу, мы молчали. Слишком много впечатлений за последние сутки.

– Вопросов нет, – благодушно прогудел старшина, после чего препроводил нас в разделенное широким коридором на две половины обширное помещение с двумя рядами двухъярусных металлических кроватей со свернутыми матрасами.

– Это зовется кубрик. Здесь будете отдыхать, – сообщил он. – Эту ночь без белья. Дневальный!

–Я! – вытянулся появившийся как черт из табакерки матрос с нарукавной повязкой.

– Организуешь парням чай и немедленно отбой.

– Есть! – бросил тот руку к шапке.

Через десять минут мы пили в каком – то помещении со

стеллажами, именуемом баталеркой*, горячий чай с ржаными сухарями, а затем, развернув матрасы, завалились в настоящие койки, укрывшись шинелями.

С этого момента время полетело с небывалой быстротой.

В течение нескольких дней учебную роту торпедистов укомплектовали молодым пополнением, прибывшим из Ленинграда, Чебоксар, Ярославля и Москвы.

Теперь нас насчитывалось сто пятьдесят человек по флотскому – курсантов Рота была разбита на четыре смены (взвода), которые имели номера с 81-го по 84-й.

Критерием являлся рост. В восемьдесят первую попали самые длинные, их именовали «фитилями», потом шли чуть ниже – «ординары», а самых мелких прозывали «шкентелями».

Мы со Степкой и Витьком попали в 82 смену к Захарову, а Вовка – в 83-ю, где инструктором был старшина 2 статьи Лойконен (прибалт). «Фитили» достались старшине 2 статьи Сомрякову.

Ротой командовал капитан 3-его ранга Иванов, со своим заместителем – старшим лейтенантом. В ней было также несколько мичманов на должностях преподавателей.

Командир был невысок ростом, сухощав и лысоват, но очень подвижен. Недостаток волос на голове компенсировал рыжеватой бородкой. Помимо этого курил трубку с душистым табаком и носил отлично пошитую из черного габардина* форму.

На тужурке имел жетоны на право самостоятельного управления кораблем и «За дальний поход», а также два ряда орденских планок.

Еще в подразделении была девушка – старшина сверхсрочной службы, тоненькая, красивая и злая.

Рота входила в состав школы, в которой мы состояли, а школа в Кронштадтский учебный отряд подводного плавания. Командовал им контр-адмирал Прибытков.

В школе имелось еще семь рот, где готовили рулевых сигнальщиков, химиков, коков, а также других специалистов для дизельных подводных лодок ВМФ.

Общее количество обучающихся курсантов составляло 1200 человек. Возглавлял ее капитан 2 ранга Кривцов

Наша школа являлась самой старой в отряде.

Помещение необычно длинной казармы строилось в прошлом веке из звонкого красного кирпича, добротно и монолитно. До революции в ней квартировались кирасирский, а затем казачий полки.

Справа от казармы, углом, располагался окруженный высокими голубыми елями, помпезный трехэтажный особняк со стрельчатыми окнами, и вычурным фронтоном, выстроенный в стиле ренессанс. Используемый в настоящее время под клуб.

Напротив него имелся небольшой сквер с мраморным фонтаном в центре и посыпанными гравием дорожками.

Раньше, как мы впоследствии узнали от мичманов – ста-

рожилов, в особняке жил командир полка с семьей и прислугой.

С тыла правой части казармы находились остатки высокого, метров шести, насыпного вала и старинной крепостной стены. С другой стороны, но уже в помещениях современной постройки, располагались учебные «циклы», котельная и теплица.

Плац был вымощен гранитным булыжником. Вся территория обнесена глухой кирпичной стеной, содержалась в образцовой чистоте и порядке. Являясь самостоятельной войсковой частью 09990, школа негласно именовалась «Тридцатым царством».

Многочисленные помещения учебной роты торпедистов, включали в себя четыре кубрика для курсантов, небольшой спортивный зал с инвентарем, каптерку, оружейную и бытовую комнаты, сушилку, умывальник и галльон. А еще кабинеты командира роты, офицеров и «старшинскую».

Сразу же после комплектования, нам приказали заняться клеймлением обмундирования. Шинелей с бушлатами, шапок с бескозырками и форменок.

Делалось это разведенной хлоркой, куда макалась спичка, на их подкладках. Каждый выводил там номер своего военного билета. Мой был 6093245 (до сих пор храню как память).

– Это не иначе для того, чтобы найти, если кто сопрет, – высунув кончик языка, сказал малюющий рядом Степка.

Все это время старшины прохаживались меж курсантами, наблюдали и давали советы.

После клеймления девушка-сверхсрочник, вместе с каким-то старшим матросом, принесла несколько пачек черных жестких погон, а также мягких синих, квадратных. И к ним несколько кисточек, целлулоидные трафареты и пару банок масляной краски.

– Ты, ты и ты, – указал Захаров на трех выбранных им художников. – Будете штамповать погоны. Демонстрирую.

Уселся на корточки, наложил на один погон трафарет, макнул кисточку в банку и через секунду на погоне золотились две больших литеры БФ.

– Поняли?

– Ага, – закивали головами художники.

– Ну, тогда вперед.

Пока те клеймили, он показал остальным, как пришивать подворотнички на сопливчики. Официальное название – галстуки. Они из черного сукна, вроде манишки у маленьких детей, чтоб не запачкаться, поедая манную кашу.

Та же девушка выдала белые подворотнички, иголки с нитками, стали пришивать.

– Ай, б..! -заорал один курсант, и стал сосать палец.

– Фамилия? – подошел к нему Захаров. Тот, вскочив с банки назвал.

– Еще раз услышу, – получишь наряд вне очереди. – Продолжай, – вразвалку пошагал дальше.

Короче, занимались такими вот делами, мы два дня.

За это время инструктора нас научили правильно застилать кровати, правильно складывать на банках робу перед сном, драить бляхи на поясных ремнях, и еще многому из флотского быта.

А на третий, после ужина, выстроив по сменам и приказав одеть шинели с шапками, а на шеи сопливчики, осмотрели.

На плечах у нас красовались погоны с литерами, на левых рукавах алели круглые «штаты» с миной и торпедой, рабочие ботинки (на флоте зовутся «гадами»), были надраены казенной ваксой до упомрачительного блеска.

– Ну, вот, теперь вы немного похожи на матросов, было их заключение.

Затем нам объявили, что со следующего утра начинается курс молодого бойца, и обучение специальности.

Режим дня стал предельно жестким и насыщенным.

Подъем в шесть, и при любой погоде трехкилометровый кросс в робах по спящему Кронштадту. Затем зарядка на плацу и умывание ледяной водой по пояс, завтрак, приборка и занятия до обеда. После него – час отдыха, а потом занятия до ужина. Далее приборка и личное время. Отбой в двадцать три часа.

Спустя несколько дней многие из нас, в том числе я, написали письма домой, указав номер части.

В своем я сообщил родителям, что у меня все нормально, служу в учебном отряде подводного плавания в Кронштадте,

где буду находиться шесть месяцев. Еще написал, что кормят здесь хорошо, и вместе со мной все мои друзья, кроме Сани Йолтуховского. Тот попал в морскую авиацию.

Потом с нетерпением стал ждать ответа.

За первый месяц службы мы похудели и устали, кажется на всю оставшуюся жизнь. Особенно мучили ежедневные утренние кроссы. На них выводили в робах и головных уборах. При том, что зима в Кронштадте в тот год выдалась особенно снежная и холодная, а морозы постоянно перемежались оттепелью.

К концу каждого кросса несколько человек падали без сил, и их тащили обратно под руки. От ледяной воды в умывальниках, нас едва не хватал кондрашка*. Но сачкануть от этих мероприятий не получалось. Любые такие попытки безжалостно пресекались вездесущими инструкторами.

Мы не видели, когда они ложатся и встают. Создавалось впечатление, что это не люди, а постоянно действующие механизмы.

После описанных моционов, несколько человек попали в санчасть, а добрая половина роты постоянно кашляла, чихала и пускала сопли, пытаясь разжалобить командиров. Эффект получался обратный.

На одном из утренних построений, как всегда бодрый Иванов, выслушав доклады инструкторов смен о состоянии дел в подразделениях и участвовавших обращениях курсантов в санчасть, прохаживаясь перед строем, ответил следу-

ющими словами.

– Вот раньше был моряк, ссыт и булыжники вылетают, а сейчас писает – и снег не тает!

Через месяц из роты, по состоянию здоровья, списали пару курсантов. Но, удивительно, остальные значительно окрепли, стали шустрými и выносливыми. Кросс и водные процедуры, из пытки превратились, в удовольствие.

Многие, в том числе и я, по примеру старшин стали обливаться холодной водой и перед отбоем.

В это время по роте прошел слух, что в школе работает военная прокуратура. Двое ребят на той пересылке, где мы были, умерли впоследствии в госпитале от пневмонии.

Из нашей роты на допрос вызывали нескольких человек, и они рассказали, в каких условиях там жили.

– Может посадят кого из тех гадов, – сказал в курилке по этому поводу Вовка.

– А родителям какво? – добавил кто-то из ребят. – Отправляли живых, получают в гробах мертвых.

Из специальных дисциплин нам читали устройство подводной лодки (Иванов), торпедное и минное оружие (Захаров с Сомряковым), устройство торпедных аппаратов (Мальцев) а также борьбу за живучесть (Лойконен и Костылев).

Кабинет УПЛ*находился на первом этаже и впечатлял своим видом. У одной боковой стены, находился длиной в пять метров, макет дизельной подводной лодки 641-го проекта, выполненный в разрезе. Внутри были видны все семь

отсеков, центральный пост, вооружение, а также механизмы.

Она являлась океанской, имела возмещение порядка 2000 тонн, глубину погружения 280 метров и скорость под водой 16 узлов. В носу и корме субмарины стояли 10 торпедных аппаратов (боезапас 20 торпед или 32 мины), автономность до 90 суток, дальность плавания в подводном положении 400 миль, а в надводном 2000 тысячи.

Обслуживал ее экипаж от 70 до 77 человек. Офицеров, старшин и матросов.

У противоположной стены, на подставках, стоял шестивесельный ял, со всем рангоутом* и принадлежностями.

По периметру кабинет был увешан схемами и чертежами по предмету, впереди, за полированным столом сидел капитан 3 ранга, а в центре, за такими же, курсанты.

Впрочем, на занятиях, сидел он мало. Ходил по дубовому паркету, излагая материал, и тыкал в наглядные пособия указкой. А мы внимали.

Далее отвечал на вопросы (их задавали, представившись и встав), а в конце занятия непременно рассказывал историю из собственной практики. Она у каптри будь здоров. До перевода в школу служил командиром БЧ-3, а затем старпомом на подлодках. Сначала на Балтике, после в Заполярье.

Именно от него мы впервые узнали о Карибском кризисе. Оказывается, был такой, в 1962-м, на Кубе.

Тогда США разместили ядерное оружие в Турции, имея целью Советский Союз. Хрущев потребовал, – убрать, но

Кеннеди отказался, типа «пошел на х...». Тогда наши тайно доставили свое на Кубу, а еще послали к ее берегам несколько подлодок КСФ* с атомными торпедами.

Иванов, тогда еще лейтенант, служил на одной из них и был участником похода.

Он рассказал, как шли туда через Северную Атлантику в штормовых условиях и тропическую жару, когда температура в отсеках достигала 50 градусов, как прорывали американскую систему ПЛО*, корабли и самолеты которой, взрывали по курсу глубинные бомбы, понуждая к всплытию, как выполнили поставленную задачу.

Мы слушали, открыв рты. Все казалось фантастикой.

– И эти лодки были именно 641-го проекта, на который мы вас готовим, – помню, сказал тогда командир. – Так что глубоко изучайте матчасть, товарищи курсанты. Пригодится.

Далее занятия оканчивались, присутствовавший здесь же Захаров командовал «Встать, смирно!» каптри кивал «вольно», закуривал свою трубку и, окутавшись с приятным запахом дымом, уходил. А нас инструктор вел на занятия по минно-торпедному оружию.

Они проводились тоже в классах, но фактически это были три высоких длинных зала. С белеными сводчатыми потолками, высокими, в частых переплетах окнами в полуметровых стенах и крашенными охрой* деревянными полами.

В первом, по сторонам, на массивных подставках, зеленели парогазовые торпеды 53-65, во втором электрические –

САЭТ 60 и СЭТ 65.

Одни были целыми, а другие с наполовину срезанными оболочками. Внутри были видны все кабели с разъемами, приборы и механизмы.

Рядом с каждым изделием* стоял плоский ящик с зипом* – для его обслуживания.

– Итак, что мы имеем?– взяв в руку указку, всегда начинал инструктор.

– А имеем мы (и излагал название модели, ее боевое применение и тактико-технические характеристики).

Затем, показывая указкой, называл, все, что находилось снаружи и внутри, рассказывал об их назначении. А потом, открыв крышку зипа и взяв необходимые ключи, демонстрировал подготовку изделия к выстрелу или постановке.

Сначала мы пупели от обилия технической информации, неизвестных названий и демонстрируемых механизмов. Умформеры путали с контактными взрывателями, приборы глубины с рулевыми машинками и так далее. Тем более, что записывать ничего не разрешалось.

– Охренеть можно,– сказал как-то на перекуре Вовка. – Тут же сплошная инженерИя.

– Да, блин, – почесал затылок Степка. – Попали, так попали.

Но потом, как-то исподволь, все это стало укладываться в головах и пониматься. Появилась надежда.

Помимо торпед, изучали морские мины. Те находились в

третьем зале. Якорные, донные и всплывающие реактивные.

Захаров учил нас, как их вооружать, обслуживать и готовить к постановке. Приговаривая при этом, «в минном деле как нигде, вся загвоздка в щеколде», что сразу же все запомнили.

Самыми же интересными, были занятия по устройству торпедных аппаратов. Проходили они на цикле* (так называлась пристройка с тыла казармы), вел занятия мичман Мальцев, со своим помощником старшим матросом Бахтиныи. Тот самый, что привел нас когда-то в школу. Коренастый и черный как жук, а еще большой любитель флотского фольклора*.

В прошлом он отслужил полтора десятка лет старшиной команды торпедистов на одной из лодок в Лиепае, а теперь передавал свои знания курсантам.

Цикл был оборудован четырьмя 53-х миллиметровыми торпедными аппаратами со всеми необходимыми системами, позволяющими их обслуживать и даже стрелять сжатым воздухом. Передняя часть стальных восьмиметровых труб выходила сквозь кирпичную стену наружу (там был пустырь), а все остальное находилось внутри цикла.

На задних крышках выкрашенных слоновкой* аппаратов атели звезды, сияла хромировка и латунь многочисленных рукояток, вентиляй, и приборов ввода стрельбовых данных. Все это дополнялось хитросплетением трубопроводов и кабельными трассами.

Аппараты обеспечивали беспузырную торпедную стрельбу с глубины 200 метров, одиночными изделиями и залпом.

Обычно, давая пояснения и демонстрируя их действиями, Мальцев заставлял нас все повторять, а если у кого не получалось, изрекал, – да, серый ты еще. Как штаны пожарника.

Помимо своего прямого назначения, аппараты могли использоваться для выхода из отсека затонувшей подводной лодки в легководолазном снаряжении. Когда же один из курсантов высказал сомнение в том, что можно туда влезть, мичман, подняв вверх палец, многозначительно изрек, – настоящий моряк – подводник обязан влезть в любую щель. Даже половую.

– Га-га-га, – дружно заржали курсанты.

Как я уже отмечал ранее, одновременно мы проходили курс молодого бойца. Изучая стрелковое оружие и правила обращения с ним, строевую подготовку и уставы.

За каждым курсантом в роте, был закреплен автомат Калашникова со штык-ножом, а также подсумком с двумя магазинами. Все хранилось в запертой на ключ оружейной комнате. Там же имелись и боеприпасы, ключ находился у дежурного.

На первом занятии, продемонстрировав оружие и сообщив его характеристики, Захаров поинтересовался, – знаком ли кто с автоматом?

Я поднял руку.

– Откуда?

– У нас в городе воинская часть. Шефствовала над школой. Стреляли из них пару раз. Холостыми на «Зарнице»*.

– Разобрать и собрать сможешь?

– Точно так, – ответил я. – Учили.

К оружию с детства я относился трепетно. Лет в девять не раз палил из охотничьего ружья отца, под его присмотром, затем перешел на самопалы, а в восьмом классе он подарил мне пневматическую винтовку.

Из нее я регулярно сбивал на элеваторе ближнего совхоза диких голубей, которых мы с пацанами поджаривали на костре и ели в балке. А еще на спор попадал с двадцати шагов в полтинник.

Когда старшина вручил мне автомат, я разобрал, а потом собрал его на столе (этому тоже научили солдаты).

– Неплохо, – оценил инструктор.

Через несколько занятий, все в смене уверенно разбирали и собирали свое личное оружие.

Затем перешли к строевым приемам с автоматами на плацу, после чистка и смазка.

Была и строевая подготовка. До одурения. Мы ходили, печатая шаг, в составе роты, смены и одиночно. Учились отдаванию воинской чести, на месте и ходу, а еще разучивали строевые песни.

Не плачь девчонка,

Пройдут дожди!

орали мы, паря широко открытыми ртами

Матрос вернется,
Ты только жди!

гуп-гуп-гуп, – вторили ботинки по булыжнику.

При этом случилась занимательная история. Одного курсанта (из седьмой роты) никак не могли научить правильно маршировать. Он шагал, вскидывая правую руку с правой ногой, а левую с левой. Уморительно, как клоун.

И чего только с этим курсантом не делали. Разъясняли, показывали, проводили индивидуальные занятия. Результаты ноль. Инструктора той роты бились в истерике.

Затем этот пацан куда-то исчез.

– Не иначе перевели в Кремлевский полк, – сказал по этому поводу Витек. – У меня двоюродный брат там служил. Тоже ходит как автомат. Честное слово!

По субботам, сразу после завтрака, в роте начиналась большая приборка. Они проводились каждый день – утром и вечером, но эта была особенной.

Матрацы скатывались и при ясной погоде выносились на плац, для проветривания, все помещения, особенно умывальник с галюном, драились и мылись до посинения. Скребками, щелоком и машками*.

Но самым впечатляющим зрением была натирка дубово-

го паркета в кубриках. Сначала его покрывали мастикой, а когда та подсыхала, в ряд становились несколько курсантов, ставили ногу на шерстяные полотерки и вперед.

Точно так, как в фильме «Чапаев», когда ординарец натирал полы в кабинете генерала.

Спустя час, паркет становился зеркальным.

В школе вообще культивировали чистоту, в том числе в отношении курсантов.

По утрам, перед разводом на занятия, инструктора всех выстраивали по сменам и осматривали.

И если ни дай бог у кого была грязная роба, несвежий синий воротник (звался гюйс) или не чищенные гады, сразу следовал наряд вне очереди на службу или работу.

В первом случае стоять дневальным по роте (ночной сон четыре часа) а во втором драить галльюн или умывальник до трех ночи.

Действовало безотказно.

Когда приборка завершалась, появлялись старшины, они в это время обычно «забивали козла»* в своей комнате и принимали работу. Если что ни так, заставляли повторять.

Затем приборка заканчивалась, проветренные постели доставлялись с улицы в помещение, обтягивались, и следовала команда «на обед». Туда рота шла по коридору третьего этажа, пронизывающему всю казарму. Причем вольным шагом.

Десяток лет назад, в одном из военно-морских училищ Ленинграда, вот также, но строевым, шла на обед рота кур-

сантов. И бац, провалилась вниз на этаж. Командование тут же сделало выводы.

После обеда следовал час отдыха, а потом собирались в баню.

Для начала дневальные притаскивали из каптерки свежее постельное белье в мешках, и мы перестилали кровати. Второй ходкой приносились такие же тельники и кальсоны. Все доставлялось из прачечной.

Далее прихватывались туалетные принадлежности, рота одевала шинели с шапками, и по команде выбегала на плац.

А оттуда строем, через ворота, в город, с интересом плясь по сторонам и вдыхая воздух свободы.

Шире шаг! Па-адтянись! – время от времени орал кто-нибудь из старшин, следовавших сбоку строя, по тротуару.

Баня находилась в получасе хода от школы, в пятиэтажном, красного кирпича здании.

Заходили с черного хода, по команде, точнее забегали. По трапам (так звалась любая лестница) курсантам надлежало передвигаться только так.

Сначала вламывались в длинную, с деревянными крашенными диванами раздевалку, стараясь занять лучшие места и быстро раздевались.

При этом оставлялась пара дневальных, чтобы ничего не сперли (в бане, помимо нас, встречались и гражданские). Затем, прихватив мыло с мочалками, голые неслись в моечный зал.

Там, в размытом свете, клубился горячий пар, и тянулись бетонные скамейки с горками жестяных тазов.

Расхватав их, бросались к парным медным кранам, торчащим из стен, и вода с фурчанием наполняла емкости.

Кругом стоял непередаваемый гвалт, тут и там летали матерки, раздавался смех, короче, Содом и Гоморра*.

Здесь мы впервые увидели флотские наколки. У Захарова с Сомряковым на предплечье. Подводная лодка в розе ветров*, а ниже «ДКБФ 1969-1972». Очень всем понравились.

– Закончу учебку, тоже сделаю такую, – поцокал языком Витек.

– Пойду за добавкой, – выплеснув на голову остатки воды из таза, – сказал Вовка.

А когда вернулся со вторым, сел и наклонился к нам, – чего я щас видел, пацаны, умора!

– Чего? – сказал я, натираясь мочалкой.

– Еще наколку, да какую! Хотите поглядеть, айда за мной. Только быстро.

Мы тут же вскочили и, шлепая пятками по сколькому полу, зарысили за приятелем.

Через несколько скамеек, задом к нам, наклонившись над тазом, ополаскивался крепкий дядька. А на его белых ляжках синела удивительная наколка. Слева моряк с кочергой, исчезавшей меж ними, а справа клубы дыма.

Вот это да! – выпучили мы глаза.

Дядька меж тем (на вид ему было лет сорок), выплеснул

воду из таза, брякнул его в пустой и направился к выходу. Наколка ожила, потешно двигаясь.

– Не иначе бывший флотский кочегар,– обернулся к нам Вовка.

Воскресенье было днем отдыха. Подъем на час позже, завтрак, а потом как говорят «гуляй Вася». Однако гулять не получалось, ибо до принятия Присяги в увольнения не пускали. Так что отдыхали в казарме.

Одни писали письма в кубрике, другие стирали робы в умывальнике или гладились в бытовке, остальные занимались травлей*.

А еще, у кого водились деньги (у нас они пока были), натянув шапки, бегали через плац в матросскую чайную.

Она находилась на первом этаже второго подъезда. Небольшая, на полтора десятка посадочных мест и стеклянной витриной, за которой стояла буфетчица.

Там можно было выпить горячего чая, закусив его бутербродами с колбасой и сыром, полакомиться пирожными, халвой или конфетами.

В смежном помещении располагался военторговский магазин, торговавший всем, что могло понадобиться курсантам. Начиная от конвертов, асидола, зубной пасты и сигарет, заканчивая тельняшками, ремнями с бляхами и хромовыми ботинками.

К тому времени мы уже получали денежное довольствие, составлявшее 3 рубля 80 копеек.

– Да, на них не забалуешь, – смеялись ребята.

Ну а по понедельникам, до обеда, с курсантами проводились политзанятия. В составе роты.

Мы сидели на банках в парадно-выходной форме на среднем проходе и внимали. Занятия, как правило, проводил заместитель командира роты.

Для начала старший лейтенант сообщал об успехах коммунистического строительства в СССР, затем переходил на международную обстановку и клеймил гнилой Запад.

Рассказывал о военном блоке НАТО, развязавшем на планете немало войн, и о том, как он приближается к нашим границам.

На передних рядах и в середине изображали интерес, сзади понемногу клевали носом.

Если лектор замечал кого, то тут же орал, тыча в сторону нарушителя пальцем, – вот ты, ты! Встать!

Курсант испуганно вскакивал, бросая руки по швам, и ел глазами начальство.

– Почему спишь?

– Никак нет товарищ старший лейтенант! Просто задумался.

– О чем? П... и пряниках?

– Не, – смущался боец. – О международной обстановке.

– Ну и как она?

– Агрессоры, того, наступают.

– Ладно, садись и что б мне больше ни-ни (грозил офицер

пальцем).

По натуре он был добродушный человек, но однажды вышел из себя. На одном из таких занятий, очередной курсант уснул и с грохотом свалился с банки.

Заместитель приказал тому встать, долго сопел носом, сдерживая гнев, а потом рявкнул, – три наряда вне очереди!

В отличие от многих, в школе с первых дней нам со Степкой и Витьком понравилось, да и учеба давалась легче, чем другим, к чему имелись причины. Мы были на год старше других, да к тому же имели техническое образование.

Это незамедлительно было отмечено несколькими благодарностями от инструктора смены.

А вот Вовка, как говорят, подвяд. Хулиганистый и веселый на гражданке, он загрустил, специальность осваивал с трудом и очень обрадовался, когда был назначен истопником.

Как я уже упоминал, помимо других помещений, в роте имелась сушилка. Глухая без окон комната, где по периметру тянулись батареи отопления. Там сушились отсыревшие шинели, ботинки, стиранные робы и прочее. Сушилка была автономной от общей системы отопления и имела свою. Расположенную рядом в умывальнике, за глухой дверью. Там, в небольшой комнатенке, имелась специальная чугунная печка, трубопроводы с вентилями и манометр. Топилось устройство по утрам или вечером углем, туда и определили истопником Вовку.

По утрам он освобождался от зарядки, а после ужина от самоподготовки. Чему многие из ребят завидовали.

Иногда, по вечерам, мы со Степаном или Витьком заскакивали туда погреться (в роте всегда было прохладно) и, глядя на гудящий в топке огонь, вспоминали дом, друзей и гражданку.

К этому времени многие из курсантов в роте, стали получать из дому посылки. Получил однажды и я. Килограммов на восемь: домашнее с прослойкой сало, сигареты, а еще орехи и чернослив из родительского сада. Частью поделился с ребятами в смене (так поступали все) а остальное отнес на хранение в баталерку и прикончил с земляками.

Посылки было получать очень интересно.

В течение недели в роте формировался список счастливых, получивших извещения, а затем, после ужина, в сопровождении Бахтина или Александрова, они строем топали в отряд, где производилась выдача.

А поскольку на дворе уже было темно, с собой брались керосиновые лампы. Полностью заправленные керосином, они имелись в каждом кубрике, на случай отключения электричества.

Нас это удивляло. Двадцатый век и лампы времен царя Гороха.

И вот картина: по темному безлюдному Кронштадту, меж высоких домов, по проезжей части, молча скрипит снегом десяток моряков в черном. Сбоку сопровождающий, а впе-

реди и сзади, с тускло горящими лампами в руках, еще двое.

Было в этом что-то таинственное и мистическое.

Где-то в середине декабря, командир перед строем сообщил, что присяга состоится в январе. И, назвав точную дату, разрешил пригласить на нее родителей.

Многие тут же написали домой письма, мы нет – до наших было полторы тысячи километров.

Солнечным январским днем, нового 1972 года мы принимали Военскую Присягу.

Мороз спал, с крыш звенела капель, школа была выстроена на плацу.

Учебные, с автоматами на груди роты, вдоль казармы (перед каждой стол покрытый кумачом, на нем в папке текст присяги), командование школы напротив, небольшая группа приехавших родителей, с ним рядом.

Для начала, стоя у микрофона, с речью выступил начальник школы, а затем начался процесс.

Вызываемые по списку курсанты громко отвечали «я!», а затем рубили строевым к столам. Там офицеры вручали им текст присяги, и над головами вразнобой летело:

«Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооруженных Сил, принимаю присягу!» (ну и так далее). Затем курсант, наклонившись к столу, учинял подпись имевшейся там ручкой в документе, вслед за чем следовала команда «в строй!», и он маршировал обратно.

Начальство многозначительно надувало щеки, некоторые из мам утирали слезы умиления.

В заключение, рубя шаг и держа равнение в шеренгах, мы прошли вдоль плаца под гремящий из репродуктора марш «Прощание славянки», а затем поднялись в роты.

Туда же вскоре доставили и родителей. Как выяснилось, почти все были из Ленинграда, Новгорода или Пскова. Командир лично поблагодарил их за достойных сыновей (мы напыжились), а затем, вместе со старшинами провел по помещениям, знакомя с условиями быта.

Довольными остались все.

После гостям разрешили пообщаться с «чадами», а потом вместе с нами сводили на праздничный обед, состоявший из сборной солянки, макарон по флотски и компота. Ну а далее, дав попрощаться с сыновьями, выпроводили из части.

При этом практически все, оставили им подарки: различные сладости, домашнюю еду и сигареты с фильтром.

Счастливики, естественно, поделились с остальными.

А после ужина всех впервые повели в клуб, где показали фильм «Александр Невский». Старшины остались там поиграть в бильярд, а роту назад привели два старших матроса Бахтин и Александров, исполнявшие обязанности их помощников.

Те, распустив строй, уединились в старшинской, а мы стали заниматься по интересам: одни дымили сигаретами в курилке, обсуждая прошедший день, вторые, присев на банки,

о чем-то шушукались.

И тут меня отозвал в сторону сосед по койке Женька Банников. Я спал наверху, а он внизу, напротив. Женька был коренной ленинградец, а к тому же интеллигент. Никогда не ругался матом, а если к кому обращался с просьбой, говорил пожалуйста

К нему тоже приезжала мама. Представительная дама в очках и с подарками.

– Слушай, – сказал тихо Женька, – давай отметим принятие Присяги.

– Хорошо бы – вздохнул я. – Только у нас ничего ничего нету.

– Мне мама оставила бутылочку винца, – наклонился ко мне Банников. – Я припрятал ее в сушилке.

Сказано – сделано.

Мы прошли к сушилке, незаметно проскользнули в дверь, и, пригнувшись, под сохнувшими робами, пролезли в дальний угол.

Там из-за батареи Женька извлек бутылку «Муската», сдернул зубами пробку и, откинув голову, забулькал горлом.

– Хорошо, – утерев губы, передал мне половину.

Я ее прикончил.

Закусив шоколадной конфетой, спрятали бутылку в то же место, крадучись, вышли из сушилки.

В роте ничего не изменилось, только из умывальника наносило запахом одеколona.

Решили перекурить и отправились туда.

Там, на стреме* у двери, стоял один из курсантов, – прошипевший нам «тихо».

Внутри, передавая кружку по кругу, стояли еще несколько ребят.

– Тройной* будете, пацаны? – обернулся один.

– Не, – отказался, а Женька скривился, – парни, вы же испортите желудки.

– Ну и хрен с вами, – добавил второй. – Нам больше достанется.

Короче, дерябнула тогда, практически вся рота, но вела себя тихо.

Поверку и отбой проводили старшие матросы, тоже оказавшиеся чуть поддатые и ничего не усекшие. Инструкторов в тот вечер мы больше не наблюдали.

Спустя несколько дней начались практические занятия по легководолазной подготовке, а также борьбе за живучесть в условиях аварийной подводной лодки. Они проводились на спецполигонах и циклах учебного отряда, расположенного вблизи Петровского парка.

Туда мы отправлялись строем, впереди и сзади флажковые

Под руководством опытных специалистов – водолазов мы кропотливо изучали легководолазное снаряжение подводника (ИСП-60), изолирующий дыхательный аппарат (ИДА-59), а также правила работы с ними.

Все шло хорошо до начала практических занятий.

Уже на первых тренировках в бассейне, один до икоты нахлебались воды, а двоих пришлось откачивать, приводя в чувство.

Когда мы освоились в бассейне, совершив туда десяток погружений, перешли к тренировкам в барокамере. Она представляла собой толстостенную стальную емкость, с иллюминатором, входным люком и двумя скамейками внутри.

Внутрь помещали шестерых курсантов, люк задраивали, а затем начинали повышать давление. Сначала до полутора атмосфер. Один инструктор, стоял за наружным пультом, нагнетая в камеру сжатый воздух, а второй наблюдал за нами в иллюминатор.

Если у кого начинало колоть в ушах, тот поднимал руку (подача воздуха прекращалась) и курсант «продувался»*, а затем давление повышалось до десяти. Голоса при этом у нас становились комариными.

Через несколько минут давление снижали (в воздухе появлялся морозный пар), голова слегка кружилась.

После барокамеры, на очередных занятиях, переходили к выходам из торпедных аппаратов из затонувшей подводной лодки.

Для этого в отряде был оборудован специальный полигон, с ее первым отсеком в помещении, над которым возвышалась заполненная водой башня. Она обеспечивала выход с глубины в двадцать пять метров.

Методами свободного всплытия и по буйрепу*

Первый заключался в следующем.

В отсек, где уже ждали два инструктора – водолаза, заводились экипированные в легководолазное снаряжение четверо курсантов, после чего открывалась крышка одного из нижних аппаратов, и мы, включившись в аппараты, поочередно, встав на карачки, заползали в трубу.

Первый (как правило, наиболее подготовленный) толкал перед собой буй-вьюшку.

Внутри было темно как у негра в попе, ползли наощупь. Затем задняя крышка закрывалась и внутрь подавалась вода.

Далее изнутри, а также снаружи шел обмен условными сигналами. Инструктор лупил по трубе молотком, определенное число раз, а задний курсант, в ответ поясным брасом*. Типа нормально? Нормально.

После чего в трубу давалось давление, аналогичное забортному (в данном случае две с половиной атмосферы). Затем снова шел обмен сигналами, после чего открывалась передняя крышка.

Головной курсант с буй-вьюшкой, выбирался из аппарата и зацеплял карабин ее буйрепа за внешнюю скобу. Далее отпускал вьюшку, и та всплывала на поверхность.

Потом он, зацепив свой поясной брас за буйреп, и растопырив руки с ногами, проделывал то же самое. При этом полагалось держать рот открытым и интенсивно дышать во избежание баротравмы легких.

Второй способ был аналогичным, с тем отличием, что при нем всплытие происходило с задержками на мусингах*, где следовало находиться строго определенное время. На практике он используется при выходах с глубин, близких к ста метрам.

На поверхности всплывших курсантов инструктор ловил чем-то вроде багра, помогал выбраться и наблюдал за выключением из аппаратов.

– Затем хлопал по плечу, – пошел! И мы неуклюже спустились по винтовой лестнице вниз.

Там, ожидавшие своей очереди товарищи, помогали снять с плеч тяжелые ИДА, расшнуроваться и вылезти из гидрокombineзонов. Робы с тельниками после таких всплытий были влажными от пота, а прошедшие ее довольны как слоны.

Кстати, здесь мы впервые узнали, что такое шило. Оказывается, на флотском жаргоне так именуется ректифицированный спирт. Перед каждым одеванием гидрокombineзонов (курсанты в них менялись), инструкторы протирали им резиновые маски изнутри. Пах он сладко и бодрил.

Однако двое из нашей роты (возможно, такие были и в других) не смогли преодолеть чувство страха перед замкнутым пространством, отказавшись лезть в аппарат и были списаны для дальнейшего прохождения службы на надводные корабли.

Инструкторы-водолазы, как правило, были пожилыми или средних лет крепкими мичманами. И это не удивитель-

но, поскольку работа на глубине требует отменного здоровья, и большой физической силы.

Обучали водолазы нас с мрачным юмором, присущим людям этой профессии, постоянно рискующим жизнью.

И сейчас помню вбитую ими в наши юные головы «молитву» включения в дыхательный аппарат при выходе на поверхность с затонувшей подводной лодки.

– Господи (закрывается головной клапан наполнения на дыхательной маске).

– Спаси (обеими руками одновременно открываются вентили баллонов с дыхательной смесью).

– Помилуй (открывается травящий клапан на дыхательном мешке).

– Аминь (флажок маски переключается на дыхание под водой).

Были у них шутки и покруче.

Если курсант путал очередность названных манипуляций, а глубина выхода была небольшая, инструкторы не поправляли бедолагу.

В результате из воды его вытаскивали за страховочный конец полузадушенным и в соплях.

Действовал жестокий, но оправданный принцип: трус, неуч и слабак, на лодке не жилец. Одновременно формировалась и устойчивость психики будущих подводников к экстремальным условиям.

Предельно жестко проводились и занятия по борьбе с во-

дой, поступающей в отсек, тушению пожаров в нем. Делалось это следующим образом.

В находящийся уже на другом цикле, отсек подводной лодки, запускалась аварийная группа курсантов, облаченных в оранжевые гидрокombineзоны.

В разных его местах, порой непредсказуемых, располагались заранее выполненные пробоины, трещины и другие повреждения прочного корпуса. Снаружи к ним подводились трубопроводы, замыкающиеся на насосную станцию.

Отсек был укомплектован штатным количеством аварийных средств для борьбы с водой: раздвижными упорами, клиньярами, пластырями, матами и кувалдами.

Для наблюдения за действиями аварийной партии, в переборке иллюминаторы.

Вода в отсек подавалась без предупреждения и в различные пробоины. Ее давление достигало от одной до пяти атмосфер. К сведению, на глубине ста метров, давление воды на один квадратный сантиметр площади составляет десять атмосфер, что соответствует весу десяти килограммов.

По звуковому и световому сигналам аварийной тревоги, вода с ревом врывалась в одну из пробоин. По мере ее заделки, но под более высоким давлением, подавалась в следующую, как правило, находящуюся в противоположном конце отсека в палубе, борту или подволоке. Затем в третью, четвертую и так далее, пока отсек не заполняется до уровня плеч, а порой и лиц борющихся за живучесть курсантов.

Мощными водяными струями нас нередко сбивало с ног или отбрасывало в сторону, рушило уже установленные упоры и закрепленные маты, падавшие на защищенные только резиной масок головы.

При этом мозг сверлила навязчивая мысль, – а что будет, если наблюдающий за отработкой инструктор не успеет вовремя перекрыть клапан подачи воды в почти затопленный отсек, или этот клапан заклинит!?

Когда отсек осушался, мы покидали его, шатаясь и кляня все на свете.

Тело после таких тренировок неделями было покрыто кровоподтеками и ссадинами.

Аналогичным образом проводились и тренировки по борьбе с пожарами, с той лишь разницей, что в этих случаях мы задыхались от едкого дыма (горел обычно соляр), а порой получали и ожоги.

– На шахте и то легче было, – сказал как-то, смазывая йодом один такой, Вовка. – И на хрена мне сдался этот флот?

Кроме учебы и практических занятий, мы несли все внутренние наряды, ходили в гарнизонные караулы, а также выполняли массу хозяйственных работ.

Один такой караул (несся он на Кронштадтской гауптвахте) для нас с Женькой Банниковым и Степаном, едва не закончился плачевно.

Мичман Мальцев, заступавший его начальником, расписал ребят по постам, а нас троих определил доставлять ка-

раулу пищу со школьного камбуза на специально для этого выделенном грузовике с водителем.

Мы несказанно обрадовались. Еще бы! Одно дело стоять часовым на морозе или выводным в камере, и совсем другое кататься по городу на машине.

Правда, чтобы не болтались в роте без дела, дежурный поручил всем троим, до вечера вымыть один из учебных классов, выдав от него ключ.

Ближе к обеду, натянув шинели с шапками, мы получили на камбузе термоса с горячей пищей, загрузили их в кузов и уселись за кабиной на лавке.

Разбитной старший матрос из постоянного состава запустил двигатель, и ГАЗон выехал из ворот части в город.

День выдался солнечным (что было редкостью), и мы с удовольствием вертели головами по сторонам, поскольку в увольнениях еще не бывали. Все было интересным: и морской собор на Якорной площади и обводной канал, и прочие достопримечательности.

На обратном пути, когда мы везли пустые термосы назад, старший матрос остановился, вылез из кабины на подножку и, обернувшись к нам, спросил, – бухнуть не желаете, пацаны? Могу организовать.

Мы тут же скинулись и отдали ему деньги.

Водила свернул в какой-то проулок, встав у магазина, быстро сбегал туда и вскоре вернулся с тремя бутылками «Солнцедара». Одну оставил себе, а две отдал нам.

Мы тут же спрятали их в пустой термос, а когда приехали в часть, тайно доставили в класс, где предстояло убраться.

Закрыв снаружи дверь на ключ, выпили обе бутылки и, решили немного придремнуть, удобно устроившись на скамейках.

Разбудил нас стук в дверь.

Чмур прошагал к ней и провернул ключ: в класс, попрыгивая трубкой, вошел командир.

– Смирна! – завопил Степка (мы с Женькой вскочили и вытянулись)

– Вольно, чем занимаетесь?

– Убираем по приказу дежурного класс!

– Ну-ну, – сказал командир, покосившись на машку и ведра с водой. – Продолжайте.

После чего вышел за дверь и удалился.

С минуту в классе стояла мертвая тишина.

– Да, нарушил ее Женька. – Повезло. А то отправились бы на губу в другом качестве.

Донимали нас в ту зиму и постоянные снегопады, в связи с чем кроссы нередко заменялись чисткой снега.

Рано утром на плац выводились несколько рот с лопатами и скребками.

До завтрака от снега не оставалось и следа, но днем и ночью он шел снова, и вечером мы вновь брались за орудия пролетариата.

В связи с насыщенной умственной и физической деятель-

ностью, нам постоянно хотелось есть.

Питание, в школе, было организовано прилично.

На завтрак подавались поочередно гречневые, перловые, пшениные или ячневые каши с гарниром или молоком, чай, сахар, масло.

На обед – овощные салаты, первое и второе (обязательно с мясом), компот или кисель. На ужин – картофель и рыба. Белый хлеб по норме и ржаной без ограничения.

Заветной мечтой каждого из нас было попасть в наряд на камбуз.

Во-первых, там можно было вволю порубать*, а во – вторых, побыть в тепле и чего-нибудь слямзить. Типа чернослива, сгущенки или печенья.

В этом же притягательном месте, в поте лица осваивали славную профессию лодочных коков полторы сотни будущих флотских «кормильцев».

Уже в ту пору, курсанты – коки несколько отличались от нас.

Мы были худы, обветрены и злы.

Они – упитаны, розовощеки и благодушны.

Лодочный кок (не следует путать с поваром), уважаемый человек на корабле.

С ним стараются завести дружбу все – начиная с простых матросов и кончая офицерами. К хорошему коку благоволят сам командир с замполитом.

Усвоив одну из главных флотских заповедей, «держись

подальше от начальства и ближе к камбузу», я несколько раз попадал в это заветное место, где не преминул обзавестись таким вот приятелем.

В одном из нарядов, быстро управившись с чисткой котлов в варочном цехе, мы со Степкой увели судок с только что изжаренными котлетами и, укрывшись в одной из подсобок камбуза, довольно чавкали, отложив десяток в бумажный пакет ребятам.

Наша «тайная вечеря» дополнялась белым хлебом и чайником компота из сухофруктов.

Дверь в подсобке была приоткрыта и, активно заправляясь, мы с интересом наблюдали, как в цехе напротив, человек двадцать будущих коков (все в белых одеяниях, словно ангелы) практиковались в изготовлении тортов. И это не досужий вымысел.

Военно-морской кок обязан уметь готовить на уровне шеф – повара хорошего ресторана, и не по прихоти начальства, а для престижа. Поскольку исторически сложилось так, что корабли извечно посещают коронованные особы, руководители государств, политики и разные знаменитости. В этом я впоследствии убедился на собственном опыте.

Окончив нашу скромную трапезу, мы со Степкой задумались, как бы на десерт урвать хотя бы кусочек лакомства, над которым колдовали коки.

Судьба благоволила нам. Один из них, выйдя из цеха, дефилировал по коридору мимо подсобки, бережно неся на

подносе небольшое чудо кулинарии.

Когда он поравнялся с дверью, я тихо вякнул, – кореш, угости пирожным.

Парень приостановился, оглянулся по сторонам и быстро юркнул в подсобку.

– Рубайте, – благодушно разрешил он, ставя поднос мне на колени.

– А тебе не попадет?– резонно спросил Степка.

– Ништяк, рубайте, у нас их много, – засмеялся кок.

Ножа у нас не было, и мы вонзили в торт ложки, отваливая ими смачные куски, отправляя те в рот и запивая компотом.

Только это не пирожное, а торт – «безе», – заявил новоявленный кормилец. – Вы из какой роты?

– Из восьмой

– Минеры?

– Угу.

– Торпеды покажете?

– А то! – промычали мы набитыми ртами.

Познакомились. Кока звали Саней Абрамовым из города невест Иваново, и специальностью своей он был доволен. Сания был невысок, но крепок, со свернутым чуть набок носом. Здоровенные кулаки, торчащие из рукавов тесной в плечах белой курточки, делали нежелательной возможность подтруснить над «чумичкой»*.

Расстались мы друзьями и завязавшиеся отношения в ближайшее же время закрепили, тайно продемонстрирован

Абрамову парогазовые торпеды в одном из учебных залов.

Тот остался доволен, и при очередной встрече на камбузе, угостил нас вкусными отбивными с картофелем «фри», которых мы, бывшие шахтеры, никогда не пробовали. Степка начал всерьез подумывать о переводе в роту коков.

Появились у нас новые друзья и среди ребят в смене. Это были кроме Женьки Банникова, тоже ленинградец Саня Николаев, ярославец Серега Бобылев и наш соученик по техникуму Леха Минаев. Чем могли, мы помогали друг другу, а при необходимости давали отпор некоторым излишне шустрым курсантам. Такие в смене имелись.

С первых дней на себя обратили внимание колоритной внешностью и наглым поведением с сослуживцами двое парней – Балута и Ясинский.

Первый – среднего роста и крепкого сложения, с массивной лысоватой головой на короткой шее, был родом из Белоруссии и являлся кандидатом в мастера спорта по боксу. Второй – грузный рослый детина, оказался нашим земляком из Станицы Луганской.

Пара работали под бластных и постоянно конфликтовала с другими курсантами, стараясь завоевать лидерство. По слухам, нескольких ребят «втихую» они даже избивали. Нас дружки не трогали, чувствуя, что могут нарваться на неприятность. Но, примерно через месяц, конфликт с ними все же случился

Особенно часто Балута с Ясинским придирались к ребя-

там из Ленинграда и, в частности, к Женьке, которому служба давалась с трудом. За него постоянно вступался Николаев, разбитной и веселый парень, закончивший до службы мореходку.

В тот вечер, уставшие от очередного аврала на плацу, мы втроем и ленинградцы, курили в умывальнике. Здесь же были еще несколько курсантов из других смен, стиравших щетками робы после разгрузки угольной баржи.

Зашедшие в умывальник Балута с Ясинским были слегка навеселе и, подойдя к нам, попросили у Женьки закурить. Когда же он протянул дружкам пачку «Примы», те, взяв из нее по сигарете, пачку не вернули. Банников резонно возмутился и тут же получил от Ясинского пощечину.

Импульсивный Вовка, обозвав их шакалами, потребовал вернуть пачку, на что Балута ответил матом, а Ясинский попытался дать ему шелбана. Костенко увернулся, заехав здоровяку кулаком под дых*, а я добавил по затылку, после чего тот рухнул на колени.

Балута побледнел, но за приятеля не вступился. Не стали дальше испытывать судьбу и мы, поскольку видели, как в спортивном кубрике белорус в свободное время часто отрабатывал «бой с тенью». Что здорово впечатляло.

Через несколько дней, пригласив нас с Вовкой после ужина в баталерку, Балута с Ясинским (назначенным к тому времени ее заведующим), предложили мировую, угостив нас домашним украинским салом. Больше инцидентов с ними не

возникало.

С самого начала службы мне стал явно благоволить Захаров. Несмотря на хмурую внешность и строгость, он оказался заботливым и справедливым человеком.

Все виды довольствия наша смена получала в первую очередь, на хозяйственные работы от нее выделялось намного меньше, чем из других, и если старшина обещал курсанту в чем-то помочь, то всегда держал слово.

Помимо этого он довольно редко нас наказывал, давая внеочередные наряды. Чего нельзя было сказать про остальных инструкторов роты.

Как уже упоминалось, в ней помимо прочего, был неплохо оборудованный спортивный кубрик. Там имелись шведская стенка, турник, брусья, конь для прыжков, штанга и гири.

Практически все старшины утром и после отбоя, активно качали мышцы. Курсанты же, за исключением Балуты и еще нескольких человек, посещали кубрик нечасто, поскольку свободного времени у нас в первые месяцы учебы почти не было.

В одну из суббот, вечером, погладив в бытовке высохшую робу и написав письмо родителям, я заскочил туда, надеясь немного размяться. В кубрике, одетый в спортивное трико Захаров усиленно занимался штангой.

– Хуг- хуг, – выдыхая воздух, вскидывал ее над головую.

Вес у штанги был солидный и работал старшина профессионально.

Я хотел было ретироваться, но, брякнув снаряд на помост, инструктор приказал мне остаться.

– Интересуешься? – кивнул на штангу.

– Да нет, я больше привык к гилям.

– Так давай, потягай их немного, – прогудел старшина, растирая грудь махровым полотенцем.

Накачан он был великолепно. С мускулистыми руками и таким же торсом.

Я стащил рубаху с тельником и подошел к гилям. Благодаря Сане Йолтуховскому они для меня были привычными.

Учась вместе, а также, будучи друзьями, мы как-то подрались в седьмом классе, и Сашка навешал мне банок. Затем помирились, и он пригласил к себе домой. А там выяснилось, что приятель давно занимается гилями, имея их несколько.

Одну такую, пудовую, он мне подарил, показав, как с ней работать.

Выжать ее я тогда не мог ни разу, тащил с передышками на свою улицу почти час.

Отец такое начинание одобрил, прикупив мне гантели, и я стал наращивать силу, тягая железяки регулярно, до самого призыва.

Размявшись, я выполнил традиционные упражнения с пудовой, а затем и с «двойником»*. Последний выжал каждой рукой по десятку раз. Пудовую, подбрасывая вверх с вращением, вытолкнул сорок.

За спиной слышались возгласы одобрения. Я опустил

гирю на помост и обернулся.

Рядом с Захаровым стояли Сомряков с Лойконеным, вид у них был ошарашенный.

– Как ты ее вертишь, не понял? – кивнул на гирию прибалт.

– Много будешь знать, сундуком* станешь! – рассмеялся

Захаров. – Чем еще удивишь, шахтер? – обратился ко мне.

Я подошел к параллельным брусьям и намелил ладони.

Из свободного виса, за несколько махов вышел в стойку на предплечьях, а затем и руках. Зафиксировал ее, а потом выполнил свой коронный соскок набок.

– Не хило, – пробормотал Сомряков.

– То-то, – похлопал его по плечу Захаров, – у меня ребята не то, что твои «фитили». (Сомряков поморщился).

Гимнастикой я занимался с младших классов.

Зады нашей усадьбы выходили на спортивный городок, где регулярно занимались солдаты той самой части, которая шефствовала над школой.

Оборудован городок был на славу. Огороженный по периметру невысоким забором из штакетника, он был уставлен различными спортивными снарядами.

Там имелось устройство для лазания по канатам и наклонной лестнице, турник с параллельными брусьями и конь для прыжков, бум, а также волейбольная площадка.

Когда солдат приводили на занятия, ребята с нашей улицы, в том числе я, влезали на забор и наблюдали.

А когда уводили, мы, проникнув внутрь, повторяли. Вско-

ре наловчились так, что иногда сержант, проводивший занятия, махал кому-нибудь рукой, – давай сюда пацан! Покажи чекам, как надо!

Чеками звались молодые солдаты, не выполнявшие нормативы.

Ну, мы и показывали. Делали выход силой на турнике, подъем переворотом и склепку, лазали по канату вверх на одних руках и лихо сигали, оттолкнувшись от подставки, через коня в опилки.

– Во, пацан умеет, а вы нет, – уничижительно говорил сержант чекам.

Потом мы с Захаровым вместе ополоснулись в умывальнике, после чего инструктор пригласил меня в «старшинскую». Там, за столом сидел дежурный по роте, старший матрос Бахтин и что-то напевая, чертил схему.

Это был удивительно трудолюбивый и увлеченный всем, что касалось минного дела, человек. Бахтин постоянно возился с минами в учебных залах, что-то совершенствовал в системе торпедных аппаратов и постоянно был занят.

В то же время он хронически ненавидел все то, что было связано с изучением уставов и строевыми занятиями. Старший матрос был заменой Захарову, весной уходящему в запас.

Служил Бахтин второй год и был уважаем курсантами, с которыми легко находил общий язык, держался просто и непринужденно.

Имелся в роте еще один старший матрос – Александров. Он менял уходящего в запас Сомрякова. В отличие от Бахтина, Александров был большой любитель муштры, спесив и к курсантам относится с пренебрежением.

– Все малюешь, Витя? – обратился Захаров к Бахтину.

Тот молча кивнул взъерошенной головой, продолжая увлеченно работать над чертежом. Это была схема постановки реактивных мин, выполненная на нескольких листах плотного ватмана цветной тушью.

– Передохни, и организуй чаю покрепче, – разглядывая чертеж, продолжил старшина.

Через несколько минут мы пили чай с баранками, и Захаров расспрашивал меня о себе. Я рассказывал. В беседе выяснилось, что он сибиряк, и тоже в прошлом трудился на шахте.

– Да, фортели на брусках и с гириями, ты выделывал знатно. Жаль, тебя Бахтин не было, – рассмеялся старшина. – Еще что-нибудь этакое, умеешь?

– Могу зажатый в ладони гвоздем пробить сороковку.

– Не трави! – хмыкнул Захаров.

– А торпеду хреном перебить не можешь? съехидничал Бахтин.

– Не, торпеду не могу, только доску.

– Быстро найди ему доску и гвоздей, – приказал инструктор старшему матросу.

– Щас, – сказал Бахтин, направляясь к выходу.

Захаров пытливо взглянул на меня, но я был спокоен.

Незадолго до призыва отец, как и обещал, научил меня этому трюку.

За дверью послышались какое – то постукивание и сопе-
нье. Вошел Бахтин, а за ним Ясинский, несущий тонкую,
сантиметра в полтора, двухметровую доску.

– Вот, – ухмыльнулся старший матрос, – а это крепеж, –
достал из кармана несколько среднего размера гвоздей и су-
нул их мне в руку.

– Годится? – спросил Захаров.

– Нет, товарищ старшина, доска тонкая, а гвозди малого
размера.

– Может тебе еще, притащить шпалу и костыль! – разо-
злился Бахтин.

– Ничего не понимающий Ясинский стоял с открытым
ртом, тупо переводя взгляд со старшины на меня, а затем на
Бахтина. Наверное, подумал, что мы чокнулись.

– Ясинский! – рявкнул Захаров.

– Я, товарищ старшина! (вытянулся тот в струнку).

– Забирай Ковалева и найди ему, что приказано. Время
пошло.

Вместе с перепуганным земляком, прихватив рейку, мы
зарысили в каптерку. Там в это время шел ремонт стеллажей,
и было полно разных досок, реек и фанеры.

Покопавшись в них, я отобрал полуметровый обрезок сос-
новой доски нужной толщины и несколько длинных гвоздей.

Все это время Ясинский с сожалением глядел на меня, затем достал откуда-то кусок копченой колбасы и сунул мне, – подрубай земля, полегчает.

Есть очень хотелось, но было недосуг.

Я запихал колбасу в карман, взял что нужно, и мы поспешили в старшинскую. Кроме Захарова с Бахтиным там уже были Сомряков и Лойконен.

– Свободен, – бросил Бахтин Ясинскому, и тот на цыпочках вышел, осторожно прикрыв за собой дверь.

– Ну, давай, шахтер, показывай. Публика ждет зрелищ, – прогудел Захаров.

– Спорим, не пробьет? – нарушил тишину Сомряков, внимательно осмотревший и даже нюхнувший доску.

– Мои новые клеша против твоих котлов*, – указал на широкое запястье инструктора. Захаров вопросительно взглянул на меня, я согласно кивнул.

– Принимается, – протянул он руку Сомрякову, и Бахтин разбил сцепленные ладони.

Я же положил обрезок на банку, достал из кармана робы носовой платок и, свернув его в несколько слоев, наложил на шляпку гвоздя, которую плотно зажал в левый кулак.

Примерился, подняв руку, и с приседом нанес удар.

– Тр-рах!

Гвоздь пробил доску вместе с сиденьем банки, выйдя из него на пару сантиметров.

Оглянувшись на старшин. Сначала они оторопело молчали,

а потом окружили табурет с прибитой к ней доской и обменялись репликами.

– Ну, ты, бля, даешь! – ткнул меня в бок Бахтин, – давай ко мне в лаборанты.

– Ага, давай, будете вместе к минам доски прибивать, – скривил губы Лойконен.

Сомряков с Захаровым молча осматривали банку, обренок и торчащий из нее гвоздь.

– Да-а, а клеша-то твои, тью-тью,– изрек Захаров, расшатывая гвоздь и с натугой вытаскивая его наружу.

– Давай еще раз, – зло глядя на меня, бросил Сомряков.

Я повторил трюк, с той лишь разницей, что в этот раз гвоздь пробил только доску. За дверью раздался шум и топот многочисленных ног. Это из клуба вернулись курсанты, ходившие смотреть фильм.

– Роте, приготовиться к построению на вечернюю поверку! – донесся голос дневального.

– Ого, да уже без четверти одиннадцать,– спохватился, взглянув на настенные часы Бахтин.

– Давай, Королев, на построение,– похлопал меня по плечу довольный Захаров.

Я быстренько покинул «старшинскую».

С того вечера мои отношения с инструктором еще больше улучшились, но в лице Сомрякова я приобрел себе недоброжелателя.

Примерно через неделю старшины взяли меня с собой по-

сле отбоя в роту коков, где под «гвоздевой» трюк, на пари выиграла у местных инструкторов коробку сгущенки, а к нему несколько бутылок вина «Три семерки».

Пяток банок были выделены мне и честно употреблены с друзьями в роте.

Между тем, учеба катилась своим ходом.

Мы уже достаточно уверенно разбирались в образцах торпед и морских мин, знали их тактико-технические характеристики, принцип действия и правила обслуживания.

Иногда, под надзором мичмана Мальцева и Бахтина, выполняли практические стрельбы воздухом, из торпедных аппаратов.

Однажды какой-то шутник, незаметно закинул туда половину шапок, лежавших на полке вешалки.

Аппарат бахнул наружу (шапки улетели метров на тридцать) и мы собирали их, бегая по снегу.

В феврале 1972 года впервые побывали на дизельной лодке 641 проекта. А когда шли туда, командир остановил строй, развернул его к какому-то дому и сказал, – здесь после войны жил капитан 3 ранга Маринеско. Имя этого героического подводника мы узнали из его рассказов на занятиях.

Тем вечером мела сильная пурга. Фонари слабо освещали несколько пирсов в Минной гавани, у которых застыли покрытые инеем субмарины.

В рубке ближайшей к нам, тускло светились огни иллюминаторов, а у трапа стоял моряк в заснеженном тулупе, во-

оруженный автоматом Калашникова.

Роту подвели к лодке и выстроили вдоль пирса, вахтенный доложил что-то вниз по висящему рядом «Каштану»* Вскоре из узкой рубочной двери появился бородатый дядя в канадке, с повязкой дежурного на рукаве.

Пожав Иванову руку, он коротко проинструктировал нас о правилах поведения при посещении корабля: соблюдать порядок и тишину, руками ничего не лапать и не отставать.

По его команде «Вниз!» – растянувшись цепочкой, по узкому обледеневшему трапу мы взобрались на скользкий корпус корабля и по очереди протиснулись в рубку.

Через отдраенный люк, оскальзываясь и наступая друг другу на головы и пальцы рук, с грехом пополам спустились в центральный пост.

Он поразил нас множеством приборов, пультов, различных устройств, рукояток и вентиляй, матово сияющих надренной медью и никелем.

Знакомство с кораблем началось с первого отсека.

В нем располагались шесть торпедных аппаратов с автоматическим пультом управления, раскрепленные на стеллажах торпеды, а также множество других, неизвестных нам механизмов и приборов.

В отсеке дежурили двое моряков в засаленных ватниках и шапках, явно не обрадовавшиеся нашему появлению.

По указанию дежурного (тот оказался лейтенантом) они коротко и толково рассказали о торпедном комплексе, его

особенностях, а также условиях обитания в отсеке.

Дело в том, что торпедный, наряду с третьим и седьмым отсеками дизельной подводной лодки, является отсеком живучести. То – есть, в аварийных ситуациях, например при потоплении корабля, он может принять весь личный состав из других отсеков, для возможной последующей их эвакуации на поверхность через торпедные аппараты или входной люк.

Кроме того, при гибели команды центрального поста, из первого отсека можно обеспечить аварийное всплытие лодки на поверхность. Из него же, с использованием объемной системы пожаротушения, возможно тушение пожаров, возникающих в других местах лодки.

А еще первый отсек является жилым. В нем, на парусиновых койках, натянутых на металлические каркасы, расположенные над торпедами, отдыхают после вахт порядка двадцати подводников. Сейчас эти койки были пусты, и их серый брезент вызывал тоскливое чувство безнадеги. Скоро, ох скоро, придется нам хлебнуть лиха.

В угнетенном состоянии мы проследовали в другие отсеки, и везде одна и та же картина: множество механизмов, устройств, станций, пультов, маховиков, рычагов, кабельных трасс и кнопок.

Между ними, как очажки цивилизации, крохотные каюты офицеров. И везде тяжелый, источающий ледяной холод металл.

Мы уже слышали, что на субмаринах не могли жить ника-

кие живые организмы, кроме человека. После выхода в море, на них дошли даже крысы с тараканами, устойчивые к радиации.

Словно подслушав наши мысли, об этом с юмором рассказали вахтенные нескольких отсеков. Затем, для полноты ощущений, нас распределили по кораблю и заставили драить палубные настилы с трюмами, различные вентили и клапаны.

Местные аборигены радостно сообщили, что это будут наши основные обязанности в первый год службы.

Наверх поднялись около полуночи.

Погода наладилась. В небе мерцали звезды, и серебрился диск луны. На пирсе – хрусткий снег. После непривычного воздуха отсеков дышалось легко и вкусно. Но все это не радовало. Субмарина подавила нас своей недостижимой сложностью и холодностью саркофага.

Остаток ночи, в кубрике, мы долго ворочались на своих жестких койках и не могли уснуть. В дальнем углу слышался чей-то тихий плач. На душе скребли кошки.

Утро принесло облегчение. Поразмыслив, мы пришли к общему мнению, что деваться нам некуда. Если другие служат, послужим и мы.

– Бог не выдаст, свинья не съест, – оптимистически заявил Саня Николаев.

Потом мы побывали на лодке еще пару раз, знакомясь с кораблем поближе.

Между тем Финский залив замерз, и по ледовой тропинке нас начали регулярно водить на Чумный форт, мрачно торчащий из залива примерно в двух километрах от Кронштадта. Раньше, по рассказам старожилов, в нем проводили опыты по созданию противочумной сыворотки, затем использовали под тюрьму.

Теперь, в подземных казематах форта, расположенных ниже уровня моря, находились базовые минные склады, В них, при постоянной зимой и летом температуре и влажности, хранились огромные запасы мин и торпед.

Начиная от устаревших – парогазовых и кончая современными – электрическими, с акустическими системами наведения.

Под присмотром пожилых мичманов-минеров с форта, мы на специальных тележках на резиновом ходу, перевозили эти смертоносные сигары из хранилищ в мастерские форта для ремонта и профилактики.

Сначала мандражили. В каждой торпедой имелось 600 килограммов тротил-гексоген-алюминия или еще более мощной «морской смеси», способных при детонирующем взрыве поднять на воздух этот чертов форт, а может быть и весь Кронштадт. От нас, соответственно, остались бы только атомы или души, если такие имеются.

Однако, через несколько дней, чувство страха притупилось, и курсанты лихо катали опасных красавиц по мрачным лабиринтам форта.

А во время перерывов на отдых, служившие на складах ветераны иногда угощали нас минным сахаром. Хрупали его курсанты с удовольствием.

В один из таких дней мы стали свидетелями весьма занимательного действия.

У форта высились несколько сторожевых вышек, на которых дежурили девушки – стрелки военизированной охраны. Их называли «вохрушками».

Нас инструктировали, что приближаться к вышкам нельзя, могут запросто шлепнуть. По внешнему же периметру форта иногда следовали патрули береговой базы, водившие со стрелками знакомство. Развитие одного такого мы и наблюдали.

Неподалеку от вышки, у гранитного валуна, какой-то матрос, разложив на тулупе девицу трахался с ней не обращая внимания на изрядный морозец. Вохрушке это по видимому нравилось, и она громко смеялась. Воровато косясь на бесстыдную парочку, мы прошли метрах в двадцати от них. Искренне завидуя.

– Да, везет некоторым, я бы от такой службы не отказался, – мечтательно заявил шагавший со мной рядом Женька.

Кроме нашей ротной сверхсрочницы, да пожилых крикливых буфетчиц, женщин с момента призыва курсанты практически не встречали, так как в увольнения не пускали. В Кронштадте был объявлен карантин. По каким причинам, мы не знали.

В конце февраля роту вывели на стрельбище.

Оно находилось в нескольких километрах от школы, на пустынном берегу залива. Дальний конец заканчивался насыпным валом, на заснеженном пространстве, тут и там, дрожала на ветру сухая полынь.

Роту выстроили лицом к валу, после чего впереди, метрах в двухстах, установили ростовые мишени, а перед строем расстелили брезент.

На линию огня выходили по пять человек, стреляли из положения лежа, по команде, тремя патронами.

Затем предъявляли оружие к осмотру, вставляли и снова по команде бежали осматривать мишени.

Увы, у большинства все пули ушли в белый свет, как в копейку. Я попал в свою мишень всего один раз, да и то в шестерку.

Потом стреляли офицеры с мичманами и старшинами. У них результат был получше.

Настроение после стрельб повысилось, назад шагали, под строевую песню.

В марте резко потеплело, с залива подули влажные ветры, и неожиданно приехал батя.

У нас шли занятия по защите от оружия массового поражения, когда меня через дневального вызвали на КПП.

Понятия не имея, кому понадобился я в одной робе выскочил на улицу, махнул через плац и, войдя в помещение, доложил о прибытии.

Дежурный мичман кивнул на дверь смежной комнаты.

– Зайди, к тебе родитель приехал.

Я ожидал чего угодно, только не этого. О возможном посещении отца, в письмах из дома не было и намека.

Они с Захаровым сидели на скамейке у окна и о чем-то беседовали.

– Ваш сын, Николай Леонтьевич,– прокомментировал мое появление старшина.

Вид у меня был, наверное, настолько огорошенный, что инструктор и отец переглянувшись, весело захохотали.

– Вот,– решил тебя навестить, – хитро прищурился родитель.

На нем было распахнутое пальто, из-под которого виднелся костюм с галстуком и орденскими планками (батя явился при параде), каракулевая, сдвинутая на затылок шапка.

– Значит, как договорились, – встал со скамейки старшина, протягивая отцу руку.

– После обеда зайдешь (это уже мне). И ушел, поводя тяжелыми плечами и что-то насвистывая.

– Крепкий парень,– одобрительно констатировал родитель. – Ну, присаживайся сын, поговорим.

Я расположился рядом.

Со слов отца, дома было все в порядке, с его здоровьем тоже. От Сани Йолтуховского он привез мне привет и адрес полевой почты. Тот служил в морской авиации на Балтике.

Наш разговор длился минут пятнадцать, после чего батя

назвал мне адрес гостиницы, где и остановился, передал объемистый пакет с гостинцами из дому и собрался уходить.

– Завтра встретимся. С твоим старшиной я договорился. Отпустит в город до отбоя, – сказал на прощание родитель.

Оттащил бумажный пакет в роту. В нем было не меньше пяти килограммов. Открыл, вывалил содержимое на койку. Она расцветилась веселыми тонами «Кара-Кума», краснобоких яблок и грецких орехов. Взял один в руку, сдавил. Тонкая скорлупа хрупнула – в пальцах оказалось маслянистое ядро. Понюхал.

Орехи из нашего сада, горьковато пахли солнцем, степью и полынью.

Я сунул часть гостинцев в тумбочку, угостил подошедшего Женю Вдовина (он стоял дневальным по роте) и попросил его остальное разложить ребятам смены по койкам.

После обеда, как было приказано, зашел в старшинскую. Там Захаров с Бахтиным играли в шахматы. Первый был угрюм и сосредоточен, второй наоборот, весел и расслаблен. Эта игра являлась «притчей во языцах» всей роты.

Они сражались между собой почти год, и Захаров, фанат шахмат, не мог выиграть у Бахтина. Как, впрочем, и никто из школы. Включая командира и других офицеров.

По нашему мнению Бахтин был вундеркинд.

Он играючи разбирался в любых, самых замысловатых схемах мин и торпед, виртуозно играл во все культивируемые на флоте игры, требующие логического мышления, пи-

сал уморительные стихи и эпиграммы.

При всем этом, как я уже упоминал, не особо тяготел к дисциплине и строевой подготовке и, по слухам, однажды помещался командиром роты на гарнизонную гауптвахту.

Откуда его вернули не без труда. На «губе» Бахтин великолепно рисовал стенды, с браво выполняющими строевые приемы матросами и плакаты, где приводились выдержки из строевого устава.

Естественно, тамошнее начальство старалось попридержать умельца у себя, тем паче, что возможности для этого у него имелись.

Больше узнали мы и о других инструкторах роты.

Старослужащие (по флотскому «годки») Захаров с Сомяковым, были главными старшинами, но полгода назад их разжаловали за драку в увольнении с моряками подплава; Лойконен заочно учился в одном из Ленинградских ВУЗов, а Костылев собирался остаться на сверхсрочную.

– Мат, Володя, и нечего тут думать, – видно уже не в первый раз повторил Бахтин, обращаясь к Захарову.

Тот задумчиво почесал затылок и мрачно заявил, – ничего, до дембеля еще два месяца, я тебя все равно сделаю.

Потом встал из-за стола, заложил руки за спину и, раскачиваясь в своей классической стойке с пятки на носок, обратился ко мне.

– Старик у тебя мировой, самого черта уговорит, завтра пойдешь после обеда в увольнение.

– В гарнизоне карантин, кто ж его пустит, Вова? – удивился старший матрос.

– Кто – кто, дед пихто! – пробасил Захаров. – У меня в штабе деваха знакомая, решим. У него батька шахтер, а мы друг другу всегда помогаем. Ясно?

– Чего яснее, – согласился Бахтин.

От радости у меня стало тесно в груди.

– Не пыжься, лопнешь, – покосился на меня инструктор. – А это отцу от меня. Достал из ящика стола и протянул мне новый матросский тельник.

На следующий день, ровно в четырнадцать часов, я впервые вышел из КПП школы вне строя. В кармане шинели лежала увольнительная до двадцати трех часов. Все во мне пело и ликovalo, день к тому же выдался погожий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.